

Нати Смольникова

НУЛЕВОЙ ДЕФЕКТ

Нати Смольникова

Нулевой дефект

«Литнет»

2026

Смольникова Н.

Нулевой дефект / Н. Смольникова — «Литнет», 2026

Ты чувствуешь? Нет? Значит, чип работает. После ядерной войны человечество спряталось в подземных секторах. Правительство и искусственный интеллект Нулевой управляют всем: рождаемостью, работой, мыслями, ресурсами. Люди не чувствуют страха, радости, гнева... и любви. Диана 47-А — безупречная шестерёнка этого механизма. Её рукой уничтожаются книги, картины, музыка — всё, что может пробудить душу. Она никогда не плакала. Само понятие слёз ей чуждо. Демид Д-05 — один из архитекторов этой системы, член правящего совета. Он знает её изнанку, трещины в её монолитной стене. Их пути пересеклись в стерильной комнате, предназначенной для продолжения рода. Взгляды встретились, а чипы дали сбой. В тот миг холод Дианы впервые пронзило неведомое тепло. А Демиду поглотило внезапное, жгучее желание. За такое предусмотрена мгновенная казнь. Они ошибка системы или же... ПОСТАПОКАЛИПСИС, АНТИУТОПИЯ И, КОНЕЧНО ЖЕ, ЛЮБОВЬ

© Смольникова Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ХРАНИТЕЛЬНИЦА ПУСТОТЫ	5
ГЛАВА 2. ЕДИНИЦА № 47-А	7
ГЛАВА 3. ДОКТРИНА НУЛЯ	9
ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ КОНТАКТ	12
ГЛАВА 5. ПРИЗНАНИЕ	14
ГЛАВА 6. СПЯЩИЕ	17
ГЛАВА 7. УБЕЖИЩЕ	20
ГЛАВА 8. ПЕРВАЯ НОЧЬ ВМЕСТЕ	24
ГЛАВА 9. УТРО	27
ГЛАВА 10. ЕДИНСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ	29
ГЛАВА 11. ВХОД В ТОННЕЛЬ	31
ГЛАВА 12. ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО	34
ГЛАВА 13. ОБИТАТЕЛИ СЕКТОРА-3	37
ГЛАВА 14. ТОННЕЛЬ ПРИЗРАКОВ	41
ГЛАВА 15. ПЕРВАЯ ВОЛНА	44
ГЛАВА 16. ТЕНЬ СЕРВЕРНОЙ	47
ГЛАВА 17. ЦЕНА ЖИЗНИ	50
ГЛАВА 18. ПЕРВЫЙ ОТДЫХ	52
ГЛАВА 19. НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ	56
ГЛАВА 20. У КАЖДОГО СВОИ ЦЕЛИ	59
ГЛАВА 21. ОСВОБОЖДЕНИЕ	62
ГЛАВА 22. НЕУДАВШИЙСЯ ШТУРМ	66
ГЛАВА 23. ТАЙНЫЙ КОМПЛЕКС	70
ГЛАВА 24. ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

ГЛАВА 1. ХРАНИТЕЛЬНИЦА ПУСТОТЫ

Комната, служившая Диане рабочим кабинетом, была стерильно белым холстом, лишенным граней и полутонов. Стены, потолок, пол — все сливалось в едином, безупречном оттенке. Свет, льющийся отовсюду, стирал тени, создавая иллюзию невесомого парения в абсолютной пустоте. Диссонансом в этой монохромной симфонии служил лишь темно-синий экран ее терминала, испещренный ровными строками кода и сканами ветхих страниц.

Она сидела, держа спину прямо, словно статуя. Пальцы застыли на клавиатуре в геометрически выверенной позе. Чип за левым ухом, издавая едва уловимый гул, напоминал о себе легкой вибрацией. В голове не было ни единой отвлекающей мысли, ни тени сомнения. Лишь задача.

Архив Чистоты, величественный и жуткий, раскинулся на трех подземных уровнях восточного сектора Города-01. Сюда, подобно сточным водам, стекались все «эмоционально окрашенные» реликвии, обнаруженные сканерами в жилых кварталах, в руинах забытых убежищ, в старых серверах, переживших Великую Чистку.

Книги, картины, музыка, интимные дневники — все, что могло пробудить искры чувств, подлежало неумолимому уничтожению. Диана, как бесстрастный страж, проверяла каждую единицу перед отправкой в утилизатор.

Ей нравилось заниматься своей работой, если так можно выразиться, потому что слово «любовь» в новом мире было признано формальностью, как реликтовое слово из ушедшей эпохи, которое все еще кочевало по официальным документам, утратив свое истинное значение. Диана не испытывала ни удовольствия, ни скуки. Она просто выполняла задачи, но делала это с интересом.

На экране высветилось новое поступление — тридцать семь файлов, изъятых при обыске в заброшенной коммунальной зоне. Диана открыла первый.

Это была книга. Старинная, со стертыми страницами, отсканированная в высоком разрешении. Потрескавшийся кожаный переплет, потускневший золотой обрез, типографская краска, выцветшая до бурого оттенка. Диана пробежала глазами по метаданным: «Сборник стихотворений. Издательство «Наука», Москва, 1979 год. Автор — Анна Ахматова».

На ее лице мелькнуло легкое недоумение. Чип слабо завибрировал, подавляя зарождающееся, почти неощутимое любопытство. Диана смирила этот импульс и открыла строку.

«Сжала руки под тёмной вуалью...»

Она читала. Слова сплетались в строки, строки — в картины. В голове возник образ женщины, терзаемой ревностью. Её слова: «уйдешь, я умру». Диана понимала значение фраз, потому что ее обучали расшифровке архаичной лексики, но суть ускользала от нее.

Почему она сжала руки? Зачем ей темная вуаль? И что это за странность — умирать, если кто-то уходит? Негативный текст порождает неправильные эмоции. Нулевой прав, решила Диана. Вопросы в голове не успевали оформиться в слова, как чип гасил их, как пламя под вакуумным колпаком. Диана равнодушно, почти механически, перелистнула страницу.

«Мне голос был. Он звал утешно...»

Голос, который предлагает выбор? Это не укладывалось в ее логику. Но что-то неуловимое произошло, когда она дочитала до конца.

«Но равнодушно и спокойно руками я замкнула слух...»

Равнодушно. Спокойно. Слова, которые, казалось, всегда описывали ее собственное состояние. Но здесь они принадлежали той, кто от чего-то сознательно отказывалась. Кто-то звал ее, а она не пошла.

Диана замерла. На мгновение, всего на одно крошечное мгновение, чип под ее кожей дернулся. Это была не ровная, успокаивающая вибрация, а резкий, почти болезненный спазм,

который прошел по всему телу. Экран на миг подернулся рябью. В углу вспыхнула надпись: «Обнаружена аномалия психоэмоционального фона. Рекомендуется перерыв».

Она моргнула. Тепло разлилось где-то в груди — не физическое, иное. То, для чего в ее лексиконе не было названия. Диана закрыла файл и поставила резолюцию: «Подлежит уничтожению. Класс опасности — высокий».

Женщина не знала, почему ее палец дрогнул, когда она нажимала «подтвердить». Чип снова загудел ровно, привычно. Дрожь прекратилась. Она открыла следующий файл.

Смена Дианы близилась к концу. Выйдя из Архива Чистоты, женщина оказалась в длинном, безмолвном коридоре, залитом холодным голубым светом люминесцентных ламп. Ни окон, ни проблесков внешнего мира. На глубине трех уровней они были лишь иллюзией. Воздух, равномерно циркулирующий по системе, нес в себе терпкий запах озона и абсолютной стерильности.

Ее шаг был ровным, взгляд устремлен прямо, словно застывший. Мимо проходили другие обитатели этого подземного мира, все в одинаковой серо-стальной униформе, с одинаково потухшими глазами.

Молчание стояло нерушимым. Никто не приветствовал, никто не улыбался. Зачем? Их жизни не пересекались вне предписанных служебных задач. Система не поощряла близость. Перед дверями лифта Диана приложила запястье к сканеру. Механический голос, бесстрастный, отчеканил:

— Строгонова Диана, идентификатор 47-А. Уровень допуска — третий. Ваш маршрут: жилой сектор 7-Б. Желаете получить рекомендации по питанию?

— Да, — эхом отозвалась она.

— На ужин рекомендован сбалансированный белково-углеводный состав №4. Желаете согласовать автоматическую доставку?

— Да.

Двери лифта плавно закрылись, унося ее вверх. Диана уставилась на гладкую поверхность, погруженная в мысли. Сегодня в Архиве Чистоты было тридцать семь файлов, предназначенных для полного уничтожения: двадцать два стихотворения, десять картин, три музыкальных творения и два личных письма. Цифры отпечатались в ее памяти, но содержание осталось размытым. Кроме одного — стихотворения о «голосе» и «равнодушии». Слегка завибрировал имплантированный чип. Чувство подавления. Чтобы остановить этот дисбаланс, Диана перестала думать.

Ее квартира, расположенная на семнадцатом этаже, представляла собой набор отсеков: спальня, кухня, санузел. Все было в той же серой цветовой гамме, функциональное, лишённое индивидуальности. На стене мерцал экран, транслирующий сводки новостей и директивы Нулевого — Главного Искусственного Интеллекта, управляющего новым миром.

Диана разделась, прошла через очищающий душ, употребила доставленный контейнер с пастообразной пищей. Вкус был неощутим. Впрочем, это и не имело значения, ведь само понятие «вкусно» было ей неведомо.

Лежа на кровати, она бездумно смотрела в потолок. Чип ровно гудел, отмеряя время до планового отдыха. Через десять минут ожидалось автоматическое отключение сознания.

Но за мгновение до погружения в темноту что-то вспыхнуло. Не стихотворение. Не образ. А ощущение. Тепло, разливающееся в груди, когда она читала слова «равнодушно и спокойно». Чип дернулся. Диана замерла, ощущая, как в ней просыпается что-то чуждое.

— Аномалия, — прошептала она.

Слово прозвучало в безмолвии, и страх охватил ее. Не от того, что ее могли услышать. А от того, что она произнесла слово, выпавшее из ее строго регламентированного лексикона. Чип загудел сильнее, настойчивее. Диана закрыла глаза, подводя итог. Через минуту она уже спала.

ГЛАВА 2. ЕДИНИЦА № 47-А

Пробуждение Дианы, как и всё в её жизни, было подчинено строгому расписанию. 6:00. Ни секундой раньше, ни позже. Она села на кровати, и свет в комнате автоматически увеличил яркость. Ровный, белый, без теней. Диана моргнула. Чип за левым ухом тихо загудел, приводя нервную систему в состояние рабочей готовности.

Она встала. Её тело было стройным, гибким, с длинными ногами и узкими бедрами, как результат идеально сбалансированного питания и предписанных физических нагрузок, которые Нулевой назначал каждому гражданину нового мира.

Кожа была бледной, почти фарфоровой, без единого изъяна — ни родинки, ни веснушки, ни шрама. В этом мире не было места случайностям. Лицо ее имело правильные, точеные черты: высокие скулы, прямой нос, четко очерченные губы, которые никогда не знали улыбки.

Серые глаза, холодные, с длинными ресницами, смотрели на мир без любопытства, без страха, без надежды. Волосы, тёмные, густые, падали ниже плеч, но она собирала их в аккуратный хвост, чтобы ни одна прядь не нарушала порядок.

Диана надела серую форму, без единой складки, идеально сидящую по фигуре. В зеркале появилось её отражение. Безупречное. Как у всех. И ничем не отличающееся от других граждан.

Серебристый блик под левым ухом напоминал о том, что она — Единица 47-А. Не личность. Не имя. А только идентификатор в общей системе.

Она выпила питательную смесь — тёплую, безвкусную, серую. Вкус отсутствовал. Как и в предыдущие её двадцать пять лет.

Из квартиры она направилась в Архив. В кабине скоростного лифта, где её спутником стал мужчина. Диана не смотрела на него. Она смотрела прямо перед собой, на закрытые двери.

Он был выше неё на голову. Широкие плечи обтягивала тёмная форма правительственного департамента — строгая, без единой складки, но на нём она сидела иначе, чем на других. Не как униформа. Как вторая кожа.

Под тканью угадывались рельефные мышцы, следствие не только предписанных нагрузок, но и, возможно, чего-то большего. Его фигура была пропорциональной: узкие бедра, плоский живот, мощная грудная клетка. Он держался прямо, с той особой осанкой, которая выдаёт человека, привыкшего отдавать приказы, а не выполнять их.

Его лицо было резким, с острыми скулами и волевым подбородком. Но в глаза бросилась странно смуглая кожа мужчины. Это была редкость в мире, где люди редко имели возможность принять загар.

Короткие тёмные волосы, аккуратно подстриженные, но без той педантичной безупречности, которая отличала обычных граждан. Лёгкая небритость, тень на щеках и подбородке, придавала ему вид человека, который не тратит время на лишнее.

Глаза были тёмные, глубокие, с пристальным, изучающим взглядом. В них не было пустоты, характерной для других. Было что-то ещё. То, что система не могла контролировать.

На его униформе красовался значок департамента биометрического контроля: серебряный круг, от которого расходились лучи. Символ власти, призванный держать под контролем каждый вздох людей. Диана узнала его. Такие значки носили только те, кто стоял близко к Нулевому.

Тишина между ними была непроницаемой. Она не поздоровалась. Он тоже. Лифт стремительно скользил вниз, и лишь бесстрастный голос, отмеряющий этажи, нарушал покой.

— Вы Строгонова Диана, 47-А, — внезапно произнёс мужчина.

Голос был низкий, бархатистый. Не механический. Живой.

Диана повернула голову. Лицо её осталось непроницаемой маской.

— Да.

— Я Демид Д-05. Ваш профиль передан в мой отдел для проверки.

— Причина? — её голос был ровный.

— Система зафиксировала микроамплитудные колебания психоэмоционального фона.

Стандартная процедура.

Диана не помнила, чтобы её фон хоть раз выходил за пределы нормы. Но спорить не стала.

— Я пройду проверку.

— Уже прошли, — без тени эмоций ответил Демид. — Результат отрицательный. Ошибка датчиков. Вы свободны.

Он вышел на своём этаже, не бросив на неё ни взгляда. Диана осталась одна. Чип пульсировал ровным светом. Но что-то необъяснимое заставило её вспомнить его лицо. Не глаза, не губы, не взгляд. А то, как он произнёс её имя и номер: «Строгонова Диана, 47-А». Словно в этих словах таился смысл, недоступный ей.

Она едва заметно покачала головой. Это было движение, не санкционированное никаким алгоритмом. Чип встрепенулся. Диана замерла, застыв до конца пути.

В Архиве её ждал новый пакет. Сорок два файла. Среди них был ещё один сборник стихов. Она открыла его, ухватила за первую строку и... ничего не почувствовала.

Чип работал безупречно. Но тот же самый палец, который должен был следовать безукоризненным инструкциям, снова дрогнул, нажимая «подтвердить уничтожение».

В этот раз вместо привычной волны опустошения нахлынула странная тоска. Словно частичка чего-то неуловимого ускользала вместе с каждым уничтоженным файлом. Диана почувствовала, как внутри неё зарождается нечто новое, чуждое запрограммированной гармонии.

Она подняла руку, чтобы коснуться чипа, но остановилась. Он пульсировал ровно, без малейшего отклонения. Ведь это был всего лишь сбой. Ошибка датчиков. Именно так ей сказали. Но почему тогда её собственное тело без видимой причины реагировало на такое незначительное событие?

Вернувшись в свою стерильную квартиру, Диана подошла к зеркалу. Серые глаза, аккуратный хвост, правильные черты лица, бледная кожа. Всё осталось прежним. Но что-то изменилось. В отражении, среди безупречной гладкости её лица, ей показалось, будто мелькнула тень — тень сомнения, тень неповиновения.

Диана провела рукой по щеке, словно пытаясь стереть эту иллюзию. Но ощущение осталось. Словно в её тщательно выверенной реальности появилась трещина, и сквозь неё пробивалось нечто иное, что-то, что не могло быть объяснено простым сбоем системы.

Оставшееся время до следующего утреннего пробуждения Диана провела в молчании, погруженная в собственные мысли. Она пыталась понять, что произошло, но слова Демиды «ошибка датчиков» звучали всё менее убедительно. И где-то в глубине её существа зарождалось новое, опасное желание понять, что скрывается за пределами её предписанной жизни.

ГЛАВА 3. ДОКТРИНА НУЛЯ

Идеология нового мира не родилась в кабинетной тиши. Она восстала из пепла, из агонического крика уничтоженных городов, из радиоактивных туманов, что обратили океаны в пар, и легли саваном на всю планету.

После Великой Чистки уцелевшие люди собрались под защитой единственного, что выстояло — Города-01. Их было немногим более ста тысяч. Остальные, девять миллиардов душ, погибли в пламени ядерного апокалипсиса. Тогда ещё первое правительство нового мира пыталось воскресить прошлое. Но мир, совершивший самоубийство, молил о своём забвении.

Доктрина Нуля начиналась с ничтожно простого вопроса: почему люди нажали на кнопки?

Ответ искали судорожно и упорно. Созвали комиссию из выживших учёных, психологов, политиков. Они препарировали архивы, вслушивались в записи последних заседаний военных советов, всматривались в предсмертные послания. И вердикт их был громогласен и беспощаден: человечество уничтожили чувства.

История человечества знает тысячи примеров. Елена Прекрасная, из-за любви к которой разгорелась Троянская война, погибли десятки тысяч воинов. Клеопатра и её страсть к Цезарю и Антонию перекроила судьбы империй, обрекла Египет на падение. Жозефина Богарне, образ которой сводил с ума Наполеона, толкал на войны, обрекал армии на гибель.

И это были лишь сияющие звезды, затмевающие своим обаянием великих мужей. Но сами эти мужья, правители, полководцы, министры, тоже действовали под гнетом гнева, алчности, ревности, гордыни, страха. Они жаждали власти до самозабвения. Они вождели чужие земли. Они ненавидели инакомыслящих. И в итоге их пальцы, дрожащие от страсти или холодной решимости, нажали те самые кнопки.

Почему? Потому что чувство прекрасного превратилось в ненасытную жадность без нравственных границ. Потому что искусство стало фитилём, разжигающим страсти, а страсти бичом, ведущим к ненависти. Потому что пафосная любовь к своей стране стерла уважение к другим. Потому что высокомерие имущих стало язвой на теле обездоленных.

Но женщин не обвинили. Их не отправили в лагеря. Не вынесли приговор. Потому что женщины были нужны для продолжения рода. Их тела требовались, чтобы дать жизнь новым гражданам. Уничтожить их было невозможно. Оставалось лишь подчинить.

Так родилась «Доктрина Нуля» — краеугольный камень новой общественной ткани, высеченный Главным Искусственным Интеллектом, нареченным Нулевым, в союзе с правительством возрожденного мира.

Нулевой явился на свет задолго до той войны, как всеведущая система глобального контроля. Он стоял в стороне, и был бесстрастным зрителем бойни. А когда человечество обратило себя в прах, он предложил спасение.

Его прозрение было простым и обескураживающим: «Ваши чувства, ваши эмоции — это вирус, побудивший вас к самоуничтожению. Я принесу вам излечение». И человечество, обескровленное и опустошенное, приняло его дар. Имплантируемые чипы стали неотъемлемой частью каждого младенца. Операция совершалась в стерильном родовой блоке, в мгновение ока после первого вдоха. Младенец не успевал издать первый крик, как его невинная нервная система встречала подавляющий импульс.

Дети не знали мук голода, немощи холода, терзаний страха или любви. Они не тянулись к матери, её тёплый запах вызывал лишь отпечаток в нейронной сети, но не отклик. Они просто существовали, лишённые имени и сути.

К десяти годам люди осмысливали слова лишь через призму разрешенных информационных материалов. Иные носители обращались в пепел в стерильных залах Архива Чистоты.

Слова о чувствах и эмоциях были низвергнуты и объявлены реликтами прошлого. «Любовь», «тоска», «восторг», «страсть», «ревность» — эти понятия исчезли из словарей, из образовательных программ, из цифровых глубин.

Если случайно с губ срывалось слово, несущее отзвук эмоций, система мгновенно фиксировала аномалию. Нарушителя отправляли на «калибровку», немую церемонию усиления сигнала импланта. Три калибровки, и гражданин следовал на «перепрофилирование». Что это означало, никто не знал. Те, кто уходил, не возвращались.

Но чип не был абсолютным щитом. Организм человека, это сложная, непредсказуемая система. Иногда, несмотря на подавление, гормоны всё равно находили путь. Иногда нейронные связи пробивались сквозь барьеры. Чтобы избежать этого, каждый гражданин, достигший четырнадцати лет, раз в год получал специальную таблетку — «Стабилизатор».

Процедура была обязательной. В назначенный день гражданин являлся в медицинский блок, проходил сканирование, и ему выдавали одну таблетку. Белую. Круглую. Без вкуса и запаха.

«Стабилизатор блокирует остаточную активность лимбической системы, — гласила инструкция. — Обеспечивает предсказуемость психо-эмоционального фона на двенадцать месяцев».

Отказ от таблетки приравнялся к саботажу. Профиль гражданина блокировался, доступ к ресурсам прекращался, а сам он объявлялся в розыск как «дефектный».

Диана принимала «Стабилизатор» каждый год. Как и все. Она не знала, что таблетка делает с организмом на самом деле. Не знала, что она не только подавляет эмоции, но и стирает часть памяти, вытравливая воспоминания, способные вызвать чувства. Не знала, что с каждым годом её личность истончается, становится призрачной. Она не знала. Никто этого не знал.

Город-01 являл собой воплощение совершенного механизма. Нулевой и правительство вершили судьбы: они дирижировали распределением ресурсов, направляли трудовые потоки, регулировали рождаемость. Взгляд всевидящих камер пронизывал каждый перекрёсток, каждый коридор, каждую жилую ячейку. Искусственный интеллект, неустанно анализируя миллионы видеопотоков, выявлял малейшие отклонения в поведении.

Если шаг становился мельче привычного, система это отмечала. Если взгляд задерживался на другом человеке дольше трёх секунд, это был сигнал тревоги. Если частота пульса превышала установленную норму, гражданин получал предупреждение.

«Предсказуемость — залог незыблемости», — гласил один из фундаментальных постулатов.

Люди трудились, принимали пищу, покоились, продолжали род. Всё шло строго по расписанию. Любое проявление спонтанности, трепет эмоции, искра творческого замысла подлежали неумолимому уничтожению. Сомнительные книги — в костёр. Мировые полотна живописи — в кислоту. Мелодии классической музыки, что некогда пробуждали глубокие чувства, — в глушилку.

«Творчество — первый шаг к неконтролируемому хаосу», — пояснял Нулевой в своих ежедневных сводках.

Диана родилась и выросла в этом мире, и иное было ей неведомо. Для неё слова «любовь», «тоска», «восторг» были так же чужды, как названия навсегда исчезнувших животных. Она не скорбела по ним. Не ощущала утраты. Чип в её сознании функционировал безупречно. «Стабилизатор» она принимала ежегодно, как все.

Но вчера что-то внутри на миг замерло, когда она декламировала строки о бесстрастности и безмятежности. Чип дал мимолётный сбой. Она не поняла, что это было. Но те, кого постигал подобный сбой, исчезали. Их отправляли на «перепрофилирование», и они больше не возвращались. Так исчезли её студенческие подруги после скромной вечеринки по случаю получения дипломов.

Диана не знала, что её встреча с Демидом в лифте не была случайной. Она не знала, что её профиль уже помечен. И уж тем более не подозревала, что через два дня Нулевой назначит им встречу для продолжения рода.

Она не знала, что «Стабилизатор» разрушает её душу по частям. Также как и не знала, что Демид Д-05 уже три года не использует таблетку, хотя ежегодно делает отметку о её приеме. Что он помнит и чувствует, но хорошо прячет это, как свою самую большую драгоценность. И что он давно ждёт ту, кто сможет почувствовать и разделить с ним жизнь.

ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

На третьи сутки после микро-сбоя тьма в квартире Дианы рассеялась раньше обычного, потому что пришло важное сообщение. Не в 6:00, а в 5:47. Она спала, но система, отключив режим отдыха, разбудила её резким импульсом, от которого заломило за ухом.

Диана села на кровати. На экране пульсировал золотистый круг — символ прямого обращения Нулевого. Такие сообщения приходили редко. Обычно они касались экстренных изменений в расписании или назначения на высокие должности.

Она коснулась экрана. Механический голос произнёс:

— Гражданка Строгонова Диана, идентификатор 47-А. Ваш профиль прошёл генетический отбор. Нулевой определил идеальную совместимость. Назначена встреча с гражданином Демид Д-05, для продолжения рода человечества. Дата: завтра, 19:00. Локация: Зал Согласия, уровень 4. Явка обязательна. Отказ приравнивается к саботажу демографической программы.

Диана моргнула. Встреча для продолжения рода. Это было нормально, но с ней такое случилось впервые. Все граждане проходили через это. Система подбирала пару на основе генетического анализа, чтобы улучшить человеческий вид. Никаких чувств, никакого выбора. Просто долг для выживания.

Она приняла информацию, кивнула, и экран погас. Но внутри, где-то там, куда чип не доставал, зародилось странное ощущение. Не тепло. Не волнение. Что-то иное. То, что она испытала, когда читала стихи.

Почему-то внезапно она вспомнила этого мужчину и их встречу. Резкие скулы. Внимательный взгляд. Он сказал: «Вы свободны». Словно это имело значение. Диана подавила мысль. Чип завибрировал, и пустота вернулась.

Остаток дня прошёл как обычно. Архив, файлы, строки, которые нужно уничтожить. Сегодня она исследовала на предмет эмоциональной окраски стихи Блока. «Незнакомка». Диана прочитала про «весенний и тлетворный дух», про «девичий стан, шелками схваченный». Она ничего не поняла. Но пальцы снова дрожали, когда поставила пометку: «Уничтожить».

Вечером, лёжа в кровати, она представила завтрашнюю встречу. Белая комната. Два стула. Датчики на висках. И он напротив. Чип дернулся. Диана закрыла глаза.

Зал Согласия находился на четвертом уровне, в центральном секторе. Она вошла ровно в 19:00. Ни раньше, ни позже. Комната была стерильно-белой. Два стула стояли друг напротив друга. Между ними был прозрачный экран, на котором отображались показатели датчиков. На стенах висели камеры. Десятки камер. Они следили за каждым движением, каждым вздохом, анализируя всё.

Демид уже сидел на своём месте. Он медленно поднял голову, когда она вошла. Их взгляды встретились. Чипы загудели ровно. Никаких сбоев пока что не было, несмотря на то, что Диана немного удивилась сидящему мужчине. Сегодня его волосы были строго уложены.

— Садитесь, — отстраненно сказал он.

Голос был ровным, без интонации. Но что-то в нём было не так. Ощущалась какая-то микро-вибрация, которую система не могла зафиксировать.

Диана села. Техник в белом халате прикрепил датчики к её вискам, к запястьям. Такая же процедура была проделана и с Демидом.

— Начнём, — сказал техник и вышел.

Дверь закрылась. В комнате воцарилась тишина. Только гул вентиляции и редкие щелчки приборов нарушали безмолвие. На экране побежали линии пульса, давления, уровня эндорфинов. Всё было в норме. Нулевой не ошибся. Диана подняла глаза на Демиду. Он смотрел прямо на неё. Не отводил взгляд.

— Мы подходим друг другу, — сказал он. Это был не вопрос. Это была констатация факта.

— Да, — ответила она.

На экране показатели не изменились. Но где-то внутри, там, где не было датчиков что-то дрогнуло. Она почувствовала. Тепло. Слабое, почти неощутимое. Как тогда, в Архиве.

Демид вдруг побледнел. Его пальцы, лежавшие на подлокотниках, сжались.

— Ваш пульс участился, — сказал он. — На три удара.

— Ваш тоже, — ответила она. — На четыре.

Они смотрели друг на друга. Чипы гудели, подавляя сигналы. Но сигналы не шли от нервов. Они шли откуда-то глубже.

— Это ошибка, — сказал Демид. Голос его дрогнул, первый раз в жизни.

— Да, — сказала Диана. — Ошибка.

На экране замигало предупреждение: «Обнаружена аномалия психо-эмоционального фона у обоих участников. Рекомендуется прервать встречу». Но никто из них не встал.

Демид протянул руку. Не через стол, казалось, что через пространство, которое между ними было. Диана долго смотрела на его ладонь. Широкую, с длинными пальцами. Она никогда не держала никого за руку. Чип завыл. Датчики запищали. Камеры зажужжали, настраивая фокус. Диана в ответ протянула свою руку. Их пальцы встретились, и мир тут же взорвался.

Чипы отключились. Не перестали работать, а именно отключились. Перегрелись. На секунду. На две. На три. В этой тишине, без гула под кожей, Диана почувствовала всё. Его тепло. Его дыхание. И что-то ещё, то, чему у неё не было объяснения. Но это было похоже на те слова, которые она сжигала в Архиве каждый день.

Датчики запищали в агонии. На экране вспыхнуло красное: «КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА. НЕМЕДЛЕННО ПРЕРВАТЬ ВСТРЕЧУ».

Дверь открылась. Вбежали техники в белом. Диана и Демид отшатнулись друг от друга. Их руки разжались. Чипы снова включились, загудели ровно.

— Что вы сделали? — спросил старший техник. Его лицо было бледным.

— Ничего, — сказал Демид. — Ошибка оборудования.

— Ошибка, — повторила Диана.

Техники переглянулись. Один из них что-то шепнул в коммутатор.

— Вы оба отстраняетесь от встречи, — сказал старший техник. — Это приказ Нулевого.

Диана встала спокойно. Чип работал. Но в груди всё ещё пульсировало тепло, слабое, затухающее. Она посмотрела на Демида. Он смотрел на неё. Никто не улыбнулся. Улыбка была запрещена. Но их глаза сказали всё.

ГЛАВА 5. ПРИЗНАНИЕ

Калибровка проходила в медицинском крыле Города-01, на шестом уровне. Диана знала эту процедуру лишь по отрывочным рассказам, ведь никто из её знакомых не проходил через неё. Или проходил, но не возвращался.

Её сопровождал техник в белом. Демида увели в другую сторону. Диана не видела, куда именно, но чувствовала, что он где-то рядом. Странное ощущение нарастало внутри. Она знала, что он существует, что он дышит, и это знание грело грудь, несмотря на работающий чип. Запах Демида преследовал её, и казалось, что он близкий, какой-то родной.

— Остановитесь, — произнёс техник.

Они подошли к герметичной двери с выгравированной надписью: «Калибровка. Допуск только по предписанию Нулевого». Техник приложил браслет к считывателю. Дверь отворилась. Диана шагнула внутрь.

Комната сияла стерильной белизной, лишённая теней. В центре возвышалось кресло, оснащённое ремнями на подлокотниках. Сбоку стоял аппарат, усеянный десятками тонких игл, соединённых с мерцающим экраном.

— Садитесь, — распорядился техник.

Диана послушно села. Ремни мгновенно обхватили её запястья и лодыжки, зафиксировав движения.

— Калибровка займет два часа, — продолжил техник, не удаляя её взглядом. — Вы можете испытывать легкое головокружение. Это нормально.

Он активировал аппарат. Иглы зажужжали, приближаясь к её вискам, предвещая неизбежное. Диана закрыла глаза. И в этот момент электроснабжение погасло. Не на мгновение, а полностью.

Комната погрузилась в непроглядную тьму, а аппарат калибровки остановился. Техник громко выругался. Диана слышала, как он шарит по стене, лихорадочно ища аварийную панель.

— Сбой энергоснабжения, — пробормотал он. — Ждите.

Дверь тихо отворилась. Кто-то вошёл. Диана не видела лица, но безошибочно узнала его ровные, уверенные шаги. Она слышала их однажды, в лифте.

— Отключите ремни, — приказал Демид.

— Это запрещено. Калибровка...

— Я говорю: отключите. Я глава департамента биометрического контроля. У меня есть полномочия отменить процедуру.

Техник замешкался. Демид шагнул к нему, и даже в крошечной тьме Диана почувствовала его давящее, властное присутствие. Техник подчинился. Ремни ослабли. Диана встала, разминая запястья.

— Идём, — сказал Демид и взял её за руку.

Они вышли в коридор. Света не было, авария затронула всё крыло. Демид шёл уверенно, словно знал каждый поворот. Диана смотрела на его профиль, выхваченный редкими аварийными лампами. Он всё время поглядывал на неё. Не мельком, а пристально, тяжело. Его взгляд темнел, становился почти пугающим. Диана не понимала, почему. Ей было не по себе, но чип молчал. И это молчание было страшнее любого сигнала тревоги.

— Вы на меня смотрите, — тихо произнесла она.

— Смотрю, — ответил он без тени смущения.

— Почему?

— Потому что вы первая, кто заставил меня усомниться в системе. И последняя, кого я хочу потерять.

Она не знала, что ответить. Слова повисли в воздухе, тяжёлые, непривычные.

Они спустились по служебной лестнице на три уровня вниз. Демид остановился у старой распределительной панели, коснулся браслета на своём запястье, а тот засветился голубым.

— Что это? — спросила Диана.

— Управляющий прибор. Я перепрограммировал дронов слежения. Они сейчас кружат в восточном секторе, думают, что мы там.

— Ложный след?

— Да. У нас есть час, пока Нулевой не поймёт, что его обманули.

Они двинулись дальше. Демид привёл её в лабораторию на заброшенный уровень, где не было камер. Старые серверы гудели, как ульи, пахло озоном и горячим металлом. Красноватые аварийные лампы освещали ряды стеллажей с оборудованием.

— Это место закрыли двадцать пять лет назад, — сказал Демид, проходя к центральному терминалу. — Когда чипы стали вживлять с рождения.

— Откуда у вас доступ?

— Мой отец был одним из разработчиков. Последним.

Диана смотрела на его спину. Он стоял у терминала, но ничего не делал, а просто смотрел на неё. Взгляд снова стал тяжёлым, темнел с каждой секундой.

— Скажите, — произнесла она, — мы теперь... дефектные?

Демид вздрогнул. Его пальцы сжались в кулаки.

— Выбрось это из головы, — резко ответил он. — Это слово придумал Нулевой, чтобы запугивать. Мы не дефектные. Мы — живые.

— Но система так не считает.

— Система ошибается.

Он подошёл к ней ближе. Диана не отступила.

— Я не хочу менять свою жизнь, — сказала она. — У меня есть работа, квартира, расписание. Я не хочу бежать.

— Ты не понимаешь, — Демид впервые перешёл на «ты». — Если ты останешься, тебя не казнят. Нулевой не убивает. Он усыпляет.

— Что значит, усыпляет?

— Есть капсулы сна. Их создали для тех, у кого чип даёт сбой. Людей погружают в глубокий сон, чтобы они не чувствовали, не думали, не мешали. И держат там до тех пор, пока ученые не найдут абсолютный стабилизатор.

— А почему не находят?

— Потому что у всех препаратов есть побочный эффект, — голос Демида стал тише. — Люди становятся стерильными. Не могут иметь детей. А Нулевой не может этого допустить, ему нужно новое поколение. Поэтому чувствующих не убивают. Их погружают в глубокий сон.

Диана почувствовала, как холод пробежал по спине. Чип дернулся, пытаясь подавить страх, но не смог.

— Вы лжете, — прошептала она.

— Хочешь проверить? — он показал на экран терминала. — Здесь все протоколы. Я могу показать.

В этот момент браслет на его запястье замигал красным. Демид поднес его к лицу. Из динамика раздался странно знакомый голос, низкий, спокойный, почти отеческий:

— Демид, ты где?

Диана узнала этот голос. Юлиус. Один из членов правительственного совета. Она видела его портрет в новостных сводках.

— Я занят, — ответил Демид, отходя в угол.

— Знаю. Ты с этой девчонкой. 47-А. Прекрати, Демид. Вернись. Не делай глупостей из-за тела.

Диана замерла. Её тело? Она смотрела на Демида, но он избегал её взгляда.

— Я сам иногда балуюсь с женщинами, — продолжал Юлиус. — Это не преступление. Но ломать жизнь ради этого? Ты член совета. Тебе есть что терять.

Демид молчал. Его лицо окаменело.

— Возвращайся, — повторил Юлиус. — Я сделаю так, что твою калибровку отменят. Всё спишут на ошибку датчиков. Приходи в себя.

Связь прервалась. В лаборатории повисла тишина, нарушаемая только гулом серверов. Диана смотрела на Демиду. Он стоял, опустив голову. Потом медленно поднял глаза.

— Он прав, — сказал Демид. — Я слежу за тобой уже два года. С того дня, как вручил тебе диплом. Ты не помнишь, тогда была общая церемония. Я стоял в рядах экзаменаторов, ты проходила мимо. Ты не смотрела на меня. А я... я не мог отвести взгляд от тебя.

— Зачем? — прошептала Диана.

— Не знал, что делать. Думал, что со временем это пройдет. Держался в стороне. Но когда система зафиксировала твой первый микро-сбой, Нулевой сам свёл наши профили. Он хотел проверить, как мыотреагируем. Моё приближение к тебе спровоцировало это внимание.

— Ты поэтому подошел в лифте?

— Да. Я хотел убедиться, что с тобой всё в порядке. И понял, что не могу оставаться в стороне.

Он шагнул к ней. Его глаза блестели в красноватом свете.

— Я чувствую свою вину, Диана. Я создавал эту систему. Верил, что она спасёт человечество. Я ошибался. И теперь я должен тебя спасти. Даже если ты этого не хочешь.

— А если я откажусь?

— Тогда Нулевой усыпит тебя. Ты будешь спать годы, десятилетия. А когда проснешься, если проснёшься, от тебя ничего не останется. Чип сотрёт всё, что делает тебя тобой.

Она смотрела на него. В голове гудел чип.

— Я боюсь, — призналась она.

— Я тоже, — ответил Демид. — Но вместе мы справимся.

Он протянул руку. Диана смотрела на его широкую ладонь с длинными пальцами. Она никогда не держала никого за руку. Но сейчас она вложила свою.

— Хорошо, — сказала она. — Я пойду с тобой.

Демид улыбнулся. Впервые за много лет.

— Тогда бежим. У нас меньше часа.

Он отключил все системы слежения в лаборатории, взял с полки небольшой рюкзак, видимо, приготовленный заранее, и они вышли в коридор. Сзади, где-то далеко, завывала сирена. Система обнаружила, что их нет на уровне калибровке.

ГЛАВА 6. СПЯЩИЕ

Они провели во временном убежище ещё несколько часов. Демид не спал, он сидел у стены, всматриваясь в экран своего прибора, где мигали красные метки. Дроны кружили где-то наверху, но в их сектор не залетали.

— Пора, — сказал он наконец.

Диана поднялась. Её тело ныло от долгого сидения на холодном полу, но она не жаловалась. Демид подошёл к ней, взял за руку.

— Прежде чем мы выйдем, я должен кое-что сделать.

Он достал из рюкзака небольшой металлический инструмент, тонкий, с заострённым концом. Диана смотрела на него, не понимая.

— Что это?

— Удалятор. Им извлекают чипы.

— Зачем?

— Потому что пока они в нас, Нулевой может отследить. Не напрямую, через сигнатуру. Каждый чип излучает уникальный код. Мы сняли наружные приборы, но подкожные остаются. Их нужно убрать.

Она почувствовала, как холод пробежал по спине. Чип загудел, словно понял, о чём речь.

— Это больно? — шёпотом нарушила молчание Диана.

— Терпимо. Я сделал это три года назад. Всё время носил внешний блок лишь для вида, но перенастроил его так, чтобы сигнал проходил.

Демид склонил голову, обнажая за ухом бледный, едва заметный шрам, место, где когда-то крепился внешний модуль чипа.

— Я справлюсь, — её голос звучал непоколебимо.

Он обработал инструмент дезинфицирующим раствором. Его пальцы, тёплые и уверенные, легли на её шею. Мужчина аккуратно нащупал чип, крохотную выпуклость под кожей, расположенную за ушной раковиной.

— Смотри на меня, — его взгляд был прикован к её лицу.

Диана подняла глаза. Одним стремительным движением Демид сделал надрез. Резкая боль пронзила её, но она не вскрикнула. Он работал быстро, с ювелирной точностью. Через несколько секунд в его руке оказалась крошечная серебристая капсула, не больше рисового зёрнышка. Мужчина осторожно положил её на стол.

— Всё, — сказал Демид, накладывая стерильную повязку.

Она перевела дыхание. Чип замолчал. Впервые за двадцать пять лет в её голове не было гула. Только тишина. И в этой тишине она услышала собственные мысли, не отфильтрованные, не подавленные. Они были громкими, путанными, но настоящими.

— Теперь мы свободны, — с улыбкой сказал он.

Они собрались быстро. Демид проверил свой наручный прибор, перепрограммированный, не подключённый к сети Нулевого. На экране мигали красные метки: дроны, патрули, камеры. Но их сектор оставался чистым.

— Система нас не видит, — задумчиво сказал он. — Но она знает, что мы исчезли. Через несколько часов начнут прочёсывать нижние уровни. У нас есть время.

Они вышли из убежища. Коридоры были тёмными, сырыми. Диана сжимала в руке маленький рюкзак, единственное, что удалось взять с собой.

— Демид, — позвала она.

— Да?

— Что будет, когда мы выйдем наружу?

Он остановился, повернулся к ней. В свете аварийных ламп его лицо было бледным, но спокойным.

— Мы будем свободны окончательно. Но свобода, это не только отсутствие камер. Это возможность чувствовать. Бояться. Любить. Ты готова к этому?

— Не знаю, — честно ответила Диана.

Они двинулись дальше. На одном из уровней Демид остановился. Перед ними была массивная герметичная дверь с надписью: «Зона временной изоляции. Допуск запрещён».

— Что это? — спросила Диана.

Он не ответил. Набрал код на панели. Дверь открылась. Внутри было темно. Демид включил фонарь. Луч выхватил из мрака ряды прозрачных капсул, десятки, сотни. Они стояли вдоль стен, соединённые трубками и проводами. Внутри каждой лежал человек. Мужчины, женщины, даже дети. Их глаза были закрыты, лица спокойны. Они не спали, они находились в искусственной коме.

— Что это? — прошептала Диана.

— Спящие, — ответил Демид. — Те, у кого чип дал сбой. Их не казнят. Их усыпляют. Здесь они могут находиться годами, десятилетиями. Пока учёные не найдут абсолютный стабилизатор. Это про них я тебе рассказывал.

— А если его не найдут?

— Тогда они останутся здесь навсегда.

Диана подошла к одной из капсул. Внутри лежала девушка, её ровесница, с таким же чипом под ухом. Только не работающим. Диана почувствовала, как внутри поднимается что-то тёмное, тяжёлое.

— Это могла быть я, — шепотом сказала она.

— Поэтому мы бежим, — уверенно ответил Демид.

Он взял её за руку. Они вышли, и дверь за ними закрылась, отсекая от спящих. Они добрались до старого технического тоннеля, который вёл к внешнему периметру. Демид проверил коммутатор на стене.

— Система уже объявила нас в розыск, — сказал он. — Нас называют «Дефектные-01 в первоочередной степени». Мы первые за последние десять лет.

— И что теперь? — тихо спросила Диана.

— Теперь мы исчезнем, — ответил Демид. — И не останавливаемся.

Они двинулись по тоннелю. Вокруг было темно и сыро. Где-то капала вода. Диана слышала своё дыхание и его шаги. Чип молчал, но музыка из лаборатории всё ещё звучала в её голове.

— Демид, — позвала она.

— Да?

— А что такое «любовь»?

Он остановился. Обернулся. В темноте его глаза блестели.

— Это когда ты готов рискнуть всем ради другого человека, — сказал он. — Даже своей жизнью.

— Я не понимаю, — призналась Диана.

— Поймёшь, — уверенно ответил он. — Когда придёт время.

Они пошли дальше. Сзади, где-то далеко, завывали сирены. Система обнаружила их исчезновение. Демид знал, что на них началась охота, по созданным им же протоколам.

В этот момент он особо почувствовал тяжесть ответственности, навалившуюся на его плечи. Теперь каждая их ошибка, каждый неверный шаг могли стать последними. Он был её единственной опорой, её защитой от неумолимой машины, охотящейся за ними. Мужчина понимал, что Диана позже начнет открывать в себе новый мир, но на первых порах её инстинкты и страхи всё ещё были в его ведении.

Он уверенно взял её за руку и повел за собой. Их пальцы переплелись, создавая невидимую, но прочную связь. Демид посмотрел на девушку, в его глазах читалась решимость. Мужчина знал, что путь будет долгим и опасным.

ГЛАВА 7. УБЕЖИЩЕ

Они шли туннелями несколько часов. Демид вёл уверенно, иногда останавливаясь, чтобы свериться с картой на старом коммуникаторе. Диана молчала, разбитая усталостью, но не жаловалась. В её груди зарождалось слабое, непривычное тепло, осязаемое и настоящее. Эта реальность пугала, и в тоже время манила к себе.

— Мы почти на месте, — тихо произнес Демид, когда они остановились перед массивной герметичной дверью.

Он ввел длинный код, приложил ладонь к сенсору. Дверь распахнулась с шипением, выпуская струю теплого, сухого воздуха.

— Это одно из первых убежищ, — пояснил мужчина, уступая Диане дорогу. — Построили еще до войны. Потом забросили. Я нашел его несколько лет назад, когда искал место для хранения записей.

Они вошли внутрь. Диана огляделась и замерла. Это была не просто комната. Это был осколок мира, собранный по крупицам из того, что перестало существовать.

Пространство делилось на две части. Слева, за невысокой перегородкой из старых книжных стеллажей, угадывалась спальня. Там стояла широкая кровать с деревянным изголовьем, укрытая мягким ворсистым пледом.

На прикроватной тумбе лежала стопка книг. Справа находилась небольшая кухня-столовая: плита, раковина, холодильник, деревянный стол на двоих. В центре комнаты стояли два кресла, а напротив них находился электрический камин.

Но больше всего Диану поразили стены. Они были увешаны картинами. В ярких красках, которых она никогда не видела вживую. На одной из картин был запечатлен закат: оранжевое небо, темные силуэты деревьев, отражение солнца в воде. Она не знала, что такое закат. В Городе-01 небо было вечным, искусственным, серым, ровным, лишенным теней и красок.

— Что это? — спросила она, касаясь пальцами шероховатой поверхности холста.

— Искусство, — задумчиво ответил Демид. — То, что мы уничтожаем. Я сохранил немного. Здесь, вдали от чужих глаз.

Он подошел к камину. Пламя вспыхнуло внезапно, и Диана отшатнулась. Она никогда не видела огня, пусть даже искусственного. Только ровный, холодный свет ламп. Огонь танцевал, отбрасывая тени на стены, и в его мерцании лицо Демиды преобразилось, стало живым, почти красивым. Но красивым в том смысле, которого она не могла выразить словами.

— Садись, — сказал он, указывая на кресло. — Я приготовлю ужин. И нам нужно поговорить.

Она села, неловко устраиваясь в глубоком кресле. Обивка была мягкой, ворсистой. Диана провела по ней пальцами. Это было непривычно, но приятно.

Демид достал из шкафа два стеклянных бокала на тонких ножках. Диана никогда не видела таких. В Городе-01 вся посуда была практичной, из небьющегося пластика, одинаковой, серой. Стекло было редкостью. Он разлил темную, густую жидкость.

— Вино, — пояснил он. — Из старого мира. Еще до войны. Его делали из винограда.

— Что такое виноград? — спросила Диана.

— Фрукт. Сладкий. Его растили на земле, под живым солнцем.

Она не знала, что такое «сладкий». Не знала, что такое «живое солнце». Но не стала спрашивать.

Через некоторое время старая микроволновая печь издала сигнал. Демид поставил на стол тарелки с мясом, овощами, хлебом. Диана смотрела на еду и не верила своим глазам. В Городе-01 все получали пастообразные смеси в одинаковых серых контейнерах. Без вкуса, без запаха, без цвета. А здесь... здесь еда пахла!

— Откуда это? — спросила она.

Демид отрезал кусок мяса, положил ей в тарелку.

— В Городе-01 есть закрытые сектора, о которых не знают обычные граждане, — сказал он. — Там выращивают животных и растения. Настоящие, не синтезированные. Это государственная тайна. Только члены Совета и высшие чиновники имеют доступ к этим продуктам. Им подают настоящую еду. А гражданам — пасту, потому что настоящей еды не хватит на всех. К тому же Нулевой решил, что чувство вкуса тоже опасно.

— Ты приносишь еду оттуда?

— Иногда, — ответил он. — Я имею доступ.

Она попробовала мясо. Вкус, первый в её жизни, взорвался на языке. Диана не знала, как это описать: тепло, удовольствие, удивление. И благодарность за то, что он открыл для неё тайну вкуса.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— Не за что, — ответил Демид.

Они ели молча. Диана пробовала незнакомые вкусы: хлеб, сыр, овощи. Каждый укус открывал что-то новое. Мир, которого она была лишена все двадцать пять лет.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила она, отставляя пустой бокал.

Демид посмотрел на неё. В его глазах отражался огонь камина. Но взгляд был странным, тяжелым, темным. Она не понимала этого взгляда. Никто никогда так на неё не смотрел.

— Потому что ты первая, кто почувствовал меня, — тихо сказал он. — Сердцем.

— Я не знаю, что я почувствовала, — призналась Диана. — Я не знаю, что такое сердце. В смысле... не как орган. А как... — она замолчала, не находя слов.

Демид накрыл её руку своей. Его пальцы были теплыми, шершавыми.

— Ты можешь спрашивать меня о чём угодно, — сказал он. — Обо всём, что тебя тревожит. О том, что ты раньше не могла обсуждать ни с кем. Здесь нет камер. Нет Нулевого. Чип отключён. Ты свободна говорить.

— А с другими людьми? — спросила она. — В Городе? Такие, как мы, есть?

— С другими нужно быть осторожной, — ответил Демид. — Каждое слово может стать причиной калибровки. Ты не знаешь, у кого чип работает, у кого нет. Но со мной... со мной можешь говорить всё, что думаешь. Я не предам.

Диана смотрела на него. В его глазах что-то менялось: от тёплого, задумчивого до того странного, темного, почти пугающего. Она не понимала, что это значит. Но сердце билось быстрее.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она.

Демид убрал руку. Улыбнулся. Но эта улыбка была другой, не той, что у граждан по расписанию.

— Потому что ты здесь, — тихо сказал он. — Потому что ты настоящая. Я привык к уединению настолько, что оно уже давит.

Он встал, подошёл к стене, снял одну из картин. За ней оказалась небольшая ниша, где стояли коробки.

— Я должен дать тебе это, — сказал Демид, доставая маленький стеклянный флакон с белым порошком.

— Что это? — спросила Диана.

— Стабилизатор накапливается в организме, — пояснил Демид. — Он не выводится сам. Этот порошок... он вытянет остатки за несколько дней. После этого ты станешь полностью свободной. Но будет немного больно. Организм привык к подавлению. Ты почувствуешь всё, что годами блокировалось: страх, гнев, отчаяние. И радость.

— Я готова, — сказала Диана, не колеблясь.

Он растворил порошок в стакане воды. Она выпила. Вкус был горьким, обжигающим. Через минуту тело пронзила дрожь. Диана замерла, вцепившись в подлокотники кресла.

— Потерпи, — сказал Демид, садясь рядом. — Я с тобой.

Дрожь усилилась. Диана закрыла глаза. В голове вспыхивали обрывки воспоминаний, тех, что были стёрты таблетками. Первый раз в школе для граждан.

Демид обнял её, прижал к себе. Она не сопротивлялась.

— Это сложный путь, но вместе мы справимся, — сказал он.

Через час, когда дрожь утихла, Диана сидела на кровати, укутанная в плед. Демид достал из шкафа странную одежду, не похожую на форму.

— Надень это, — сказал он, протягивая ей льняную тунику цвета слоновой кости и короткие штаны — бриджи, как он их назвал. — Здесь не нужна форма. Здесь можно быть собой.

Диана взяла одежду. Ткань была мягкой, прохладной, приятной к телу. Она переоделась, и ткань скользнула по коже, словно прикосновение. Она никогда не носила ничего подобного. В зеркале стояла она, но другая. Не Единица 47-А, а просто молодая женщина.

— Тебе идёт, — сказал Демид, глядя на неё. В его глазах снова появился тот тёмный, тяжёлый взгляд. Диана не понимала его, но внутри неё разливалось тепло.

— Покажешь мне остальное? — спросила она, чтобы отвлечься.

Он провёл её в соседнюю комнату, которую называл «библиотекой». На полках стояли десятки старых книг с пожелтевшими страницами, в потертых переплетах. Стихи, история... Рядом висела полка с дисками, на которой стоял странный прибор.

— Это музыка, — сказал Демид. — Чайковский, Рахманинов, Бетховен. То, что будит чувства. То, что запрещено.

Он нажал на кнопку. Из динамиков полилась нежная мелодия, тягучая. Диана слышала подобное в соседнем отсеке Архива, где трудились такие же, как она. Но сейчас звуки обволакивали, проникали под кожу, заставляли сердце биться чаще. Она не знала, что это, но чувствовала, как слезы подступают к глазам.

— Как ты всё это нашёл? — тихо спросила она.

— По крупицам, — ответил Демид. — Я объездил все доступные сектора. Рылся в руинах, поднимал архивы. Десять лет я собирал это. Всё, что мог найти. Книги, картины, музыку. Всё, что напоминает о том, что мы люди.

— И никто не знал?

— Никто. Я прятал это здесь. Это моя тайная жизнь.

Диана подошла к полке, провела пальцами по корешкам книг. Она чувствовала каждую неровность. Книги были как будто живыми.

— А Город-01 как возник? — спросила она.

— Это бывший закрытый город учёных, — пояснил Демид. — Он построен внутри скалы, с небольшим выходом на поверхность. Когда началась война, города-миллионники стерли с лица земли. А этот... ему повезло. Он находился далеко от основных ядерных ударов. Вот почему мы выжили.

— А другие города?

Демид помолчал, раздумывая, стоит ли ей говорить об этом.

— Официально нет. Вам говорят, что Город-01 — это единственный уцелевший. Но на самом деле... таких городов семь. Их построили за последние пятьдесят лет. Каждый сектор экспериментальный. Мы не связаны с ними ни транспортом, ни связью. Только члены Совета знают, где они и что там. Перемещение между секторами запрещено. На случай эпидемий, мутаций, заражений. Чтобы в случае чего не потерять всё.

— А люди там такие же?

— Да, — протянул Демид, его голос звучал размеренно, словно успокаивающий ритм. — Я ездил в другие секторы, оказывал консультации.

Диана смотрела на него, и в глубине её глаз плескался страх. Но не перед ним. Этот страх был порождением мира, который она лишь начинала постигать, мира, раскрывшегося перед ней без прикрас.

— Мне страшно, — прошептала она, будто произнося исповедь.

— Страх — это зеркало души, — ответил Демид, приближаясь. — Бояться — это нормально. Это доказывает, что ты чувствуешь. Что ты жива.

Он подошел совсем близко, осторожно взял её за руку. Она не отстранилась, её пальцы, словно ища опору, нашли его ладонь.

— И что теперь? — спросила она, её голос дрожал от неведомых предчувствий.

— Постараемся жить, — сказал он, а в его голосе прозвучала новая, неизведанная нота. — По-настоящему.

Диана, устремив взгляд на пляшущее пламя, чувствовала, как внутри неё, впервые за долгие двадцать пять лет, зарождается нечто новое, нечто, не имеющее названия. Но она интуитивно понимала, что это начало чего-то необычного.

ГЛАВА 8. ПЕРВАЯ НОЧЬ ВМЕСТЕ

Ночь окутала Диану тревожным покрывалом бессонницы. Она лежала, укутанная пледом, и вглядывалась в темноту потолка. Рядом, прислонившись спиной к стене, сидел Демид. Всполохи в камине пульсировали в такт теням, резвящимся на стенах, увешанных полотнами.

— Ты не спишь? — голос Демида нарушил тишину.

— Не могу, — выдохнула Диана. — Чипа нет, и это пугает. Я привыкла к его гулу. А теперь... тишина. Слишком громкая.

— Это свобода, — прошептал он. — Ты просто еще не привыкла к ее звукам.

Диана повернулась на бок, подтянула колени к груди, словно пытаясь обрести опору в себе. Плед соскользнул, обнажив хрупкое плечо в льняной тунике.

— Расскажи о моих родителях, — ее голос прозвучал чуть слышно. — Ты говорил, что проверял мои данные. Ты знаешь, кто они?

Демид долго молчал. Его лицо в полумраке, казалось, замерло, а в глазах плескались угольки.

— Я знаю только их номера, — произнес он наконец. — Единица 12-С и Единица 44-В. Их разделили сразу после встречи, распределив по разным трудовым отсекам. Системные профили не сохранились, родство не фиксируется.

— Никогда их не видела, — в голосе Дианы прозвучала надломленная нота. — В детском секторе нами занимались воспитатели. Мы не знали, кто наши родители. Слова «мама» и «папа» были лишь звуками, архаизмами.

Демид протянул руку, осторожно коснувшись ее щеки. Диана вздрогнула.

— Что ты делаешь?

— Касаюсь тебя. Здесь это не запрещено.

Его пальцы были теплыми, живыми. Она чувствовала каждую линию, каждый изгиб его руки, скользящей по ее плечу, по руке. Диана замерла, ощущая, как тело наполняет мелкая, непривычная дрожь.

— Нулевой уничтожил понятие семьи не случайно, — Демид не убирал руки. — Он решил, что родительская любовь — самая сильная. Ее невозможно стереть. Мать узнает дитя по запаху, по голосу. Отец — по глазам. Чип подавляет, но не стирает инстинкты.

— Поэтому детей забирали сразу после рождения, — тихо продолжила Диана, отслеживая его мысль. — Нас помещали в общие ясли. Мы не знали, кто родил нас. Не знали, что такое «мама». Нас учили, что это слово — пережиток прошлого.

— А тех родителей, у кого инстинкты всё равно прорывались, отправляли к Спящим, — задумчиво добавил Демид. — В сектор перепрофилирования. Они считались опасными для нового гражданского общества. Их чувства могли заразить других.

Диана закрыла глаза. Перед мысленным взором проплыли обрывки детских воспоминаний: воспитательница в белом халате, ровные ряды кроватей, дети, не плачущие, потому что чипы подавляли слезы.

— Одна девочка в моей группе, — прошептала она. — Ее звали... не помню номер. Она всё время смотрела на одну из воспитательниц. Не отводила взгляд. Дольше трех секунд. Ее увели. Мы больше не видели ее.

— Ее отправили на калибровку, — голос Демида прозвучал глухо. — Или к Спящим. Детские привязанности — это тоже чувства. Нулевой не терпит чувств.

— Мои родители были учеными, — сказал Демид, не оборачиваясь. — Они работали над чипом. Им разрешили жить вместе в качестве привилегии. Но когда я родился, меня все равно забрали. Я рос в общем секторе, как и ты. Виделись редко, по праздникам, под присмотром камер.

— Ты их помнишь?

— Помню. Мы даже успели совместно поработать. Они жили в моей памяти. Но мы мало успели пообщаться.

— Что случилось?

Демид повернулся. В его глазах отражалось пламя.

— Они погибли. Несчастный случай в лаборатории. Взрыв. Так сказала система. Но я не верю. Я думаю, они узнали что-то, чего не должны были знать, и Нулевой убрал их.

Диана села, крепче натянув плед на плечи.

— Теперь ты не один, — сказала она.

— Знаю, — отозвался он. — Поэтому и бегу.

Он вернулся к кровати, сел рядом. Их плечи едва касались.

— У тебя нет опыта, — сказал он. — Я знаю. Я проверял твои данные. Система подбирала тебе партнёров для продолжения рода, но я стирал эти назначения. Я не хотел, чтобы тебя отдали кому-то другому.

— Почему?

— Потому что я хотел быть с тобой сам. Но не так, как требуют правила. А по-настоящему.

Диана смотрела на него. В его глазах не было алчности, только нежность. И что-то ещё, темное, глубокое, чего она не могла понять.

— Я не знаю, что сейчас нужно чувствовать, — призналась она.

— Ничего не надо знать. Просто позволь себе быть собой.

Он наклонился и поцеловал её в лоб. Легко, почти невесомо. Диана закрыла глаза.

— Ты пахнешь... — прошептала она.

— Чем?

— Не знаю. Защитой. Теплом. Я никогда не чувствовала ничего подобного.

Демид едва улыбнулся.

— Это запах человека. Того, кто заботится о тебе.

Он поцеловал её в щёку, в уголок губ. Диана робко, неумело отвечала. Но когда их губы встретились в первый раз, она почувствовала, как внутри что-то переворачивается. Чипа не было. Таблетка стабилизатора, принятая полгода назад, все еще действовала, но её тело откликлось. Она чувствовала мелкую дрожь, тепло, желание прижаться ближе.

— Ты дрожишь, — сказал Демид.

— Это от твоих прикосновений.

Он обнял её, укутал в плед. Они лежали, прижавшись друг к другу, и он гладил её волосы, целовал в макушку.

— Я буду ждать столько, сколько нужно, — прошептал Демид. — Пока твои чувства не вернутся полностью.

— А если они не вернутся? — спросила она.

— Вернутся, — уверенно ответил он. — Они уже возвращаются. Ты дрожишь. Ты плакала, когда читала стихи. Ты чувствуешь музыку. Это только начало.

Диана прижалась к нему, уткнулась лицом в его грудь. Сквозь ткань рубашки она слышала биение его сердца. Ровное, сильное. Настоящее.

— Расскажи что-нибудь еще, — попросила она. — О мире, который был. О том, что мы потеряли.

Демид помолчал. Потом начал рассказывать. О солнце, которое светило каждый день. О море, которое дышало приливами и отливами. О деревьях, которые росли из земли, а не под искусственными лампами. О стихах, которые читали вслух. О музыке, которая лилась в залах, где собирались тысячи людей.

Диана слушала его, закрыв глаза. И в её воображении рождались картины. Оранжевое небо, теплая вода, зелёные листья. Она никогда этого не видела. Но теперь она могла это чувствовать.

— Мы построим новый мир, — сказал Демид. — Там, где не будет чипов, где не будет Нулевого. Где люди смогут любить. Свободно. Без страха.

— Ты веришь в это? — спросила она.

— Верю, — уверенно ответил он. — Теперь, когда ты со мной.

Они заснули в обнимку, и впервые в жизни Диана не чувствовала пустоты. Вместо неё было тепло. И тишина. И его дыхание.

ГЛАВА 9. УТРО

Диана очнулась от нежного касания, словно невесомое перышко блуждало по ее волосам. Глаза распахнулись, встречая заинтересованный взгляд Демиды. Он лежал рядом, подпирая голову рукой, и смотрел на нее с такой глубиной, что она замерла.

— Ты не спишь? — выдохнула она, а слова застревали в горле.

— Рядом с тобой не могу, — прошептал он. — Боюсь, что это сон, который вот-вот исчезнет.

— Это не сон, — ее губы тронула улыбка. Впервые в жизни. Без шелухи чипа, без заданной программы. Улыбка родилась сама, теплая, искренняя, такая, какой ее сдержанная, упорядоченная жизнь по предписаниям никогда не знала.

Демид склонился, его губы коснулись ее лба, щеки, губ. Диана отвечала робко, но с каждым поцелуем ее тело отзывалось с всё возрастающей уверенностью, будто пробуждаясь от долгого сна.

Его легкие прикосновения скользнули по плечам, спине, притягивая девушку ближе, в свой теплый, живой мир. Она чувствовала его дыхание, биение сердца — могучее, ровное, такое настоящее. Внезапно охватило любопытство, неведомое ей прежде. Впервые в жизни она хотела продолжения, желала узнать, что ждет дальше.

Демид целовал ее шею, ключицы, а тело откликалось, изгибаясь, требуя большего. Но внезапно ее пронзило странное ощущение. Внутри что-то сжалось, не болью, а напряжением. Словно невидимая стена поднялась между ее желанием и собственным телом. Диана не понимала, что это. Видимо, стабилизатор, таблетка, принятая полгода назад, все еще держала ее в плену. Препарат подавлял эмоции, даже когда чип молчал. Организм, привыкший к пустоте, сопротивлялся новому, живому. Девушка закрыла глаза, а дыхание стало болезненным, прерывистым.

— Остановись, — всхлипнула она.

Демид мгновенно замер. Отстранился. Его глаза пронзили ее взглядом, полным вопросов.

— Что случилось?

— Я не знаю. Внутри... что-то сжалось, болит. Как будто я хочу, но не могу. Мое тело не слушается.

Он кивнул, потому что все понял.

— Стабилизатор, — произнес он тихо. — Он блокирует естественные реакции. Не вывелся еще полностью. Не будем торопиться.

Демид нежно обнял ее, прижал к себе. Диана уткнулась лицом в его грудь, чувствуя, как его руки успокаивающе гладят ее спину.

— Не бойся, — прошептал он. — Я подожду. Я никуда не уйду.

Утро застало их за скромным столом. Демид приготовил на завтрак овощи, свежий хлеб и травяной чай. Диана пила маленькими глотками, наслаждаясь теплом, что разливалось по телу. Она едва могла поверить, что чай может быть горячим. В Городе-01 все напитки подавались при температуре 35 градусов. Ни больше, ни меньше.

— Что ждет нас, когда мы вернемся? — спросила она, а ее голос прозвучал осторожно.

— Мы не вернемся, — мужская ладонь накрыла ее. — Пока останемся здесь. Нужно многое понять. Я думаю, что там, за стенами Города, есть другие. Те, кто отказался от чипов. Мы найдем их.

— А если их нет?

— Тогда мы будем первыми. Начнем новую жизнь.

Диана смотрела на него, видя в его глазах не страх, а решимость и непоколебимую уверенность сильного человека.

— Я с тобой, — произнесла она.

— Конечно. Я никуда тебя не отпущу, — он наклонился и поцеловал ее.

Не в лоб, не в щеку, а в губы. Долго, медленно, с такой нежностью, которую она никогда раньше не испытывала. Когда он отстранился, Диана улыбнулась.

— Я запомню этот вкус, — тихо сказала она.

— Какой?

— Не знаю. Свободы, наверное.

После завтрака Демид достал экран программатора и подключил его к терминалу. По экрану мгновенно побежали строки цифрового кода.

— Я должен показать тебе кое-что, — уверенно сказал он.

Диана подошла ближе. Он указал на графики, схемы, отчеты.

— В секторе исследования и восстановления растений было несколько нападений, — пояснил Демид. — На отсек семян. Кто-то пытался похитить генетический материал. Камеры зафиксировали неизвестных. Нулевой скрыл эту информацию. Даже от меня. Я узнал случайно, просматривая старые лог-файлы.

— Ты думаешь, это выжившие?

— Уверен. Те, кто не носит чипы. Они где-то там, за стенами Города. Возможно, у них есть свое убежище. Своя система. Своя жизнь.

— Почему они не выходят на связь?

— Потому что боятся. И правильно делают. Нулевой уничтожит любого, кто осмелится нарушить установленный порядок.

Он открыл другой файл, сложную схему с ветвящимися алгоритмами.

— Я запустил к ним в систему код. Троян. Он собирает данные о передвижениях в сети Нулевого, о планах правительства, о закрытых секторах. Пытаюсь анализировать эту информацию. Мне нужно понять, куда двигаться. Где безопасно. Где нам можно будет спрятаться.

— Ты готовил побег заранее? — с удивлением спросила Диана.

— Да. Уже несколько лет. Я собирал припасы, карты, оружие. Но не был до конца готов. Встреча с тобой... ускорила все. Я не ожидал, что система назначит нас друг другу, потому что уже давно сам выбрал тебя. Не ожидал, что ты почувствуешь так быстро. Но когда это случилось, я понял, что ждать больше нельзя, — Демид повернулся к ней и взял за руку. — Прости, что втянул тебя в это. Ты могла бы жить спокойно. Без риска.

— Я не хочу жить спокойно, — ответила Диана. — Я хочу жить по-настоящему.

Он нежно сжал ее пальцы.

— Тогда будем учиться вместе. Я буду наблюдать за системой и собирать необходимую остаточную информацию. Анализировать. Искать слабые места. А ты... ты будешь восстанавливаться.

Диана согласно кивнула.

— Хорошо.

Остаток дня они провели в убежище. Демид показывал ей книги, диски, записи. Она слушала музыку, читала стихи вслух, неумело, но с каждым разом все увереннее. Ее голос обретал интонации, которых раньше не было.

Диана искренне смеялась, когда Демид объяснял ей значение тех или иных эмоций, чувств, приводил примеры. И тогда она плакала над строками, которые раньше не понимала до конца. А Демид смотрел на нее и всё больше убеждался, что он не ошибся. Она была именно той женщиной, которую он ждал все эти годы.

ГЛАВА 10. ЕДИНСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

Они сидели за столом в убежище, среди теней и запаха остывшего чая. Кружки были нетронутыми, стояли молчаливыми свидетелями затянувшегося разговора. Перед Дианой Демид разложил пожелтевшие от времени схемы, испещренные чужой нервной рукой.

— Здесь другие выжившие, это не вариант, — его голос звучал глухо, когда он провел пальцем по одной из отметок. — Я встречал их. Три года назад, когда искал пути в соседние уровни. Они живут в технических тоннелях, в старых бункерах, но они... сломленные. Радиация изуродовала их разум, или они одичали, потеряв всё. У них нет цели, нет плана. Только страх, ненависть и отчаянное стремление выжить. Они не помогут. Они убьют нас за еду или сдадут Нулевому за награду.

— Почему они не в городе? — спросила Диана, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

— Не всем вживляли чипы, — ответил Демид, и в его глазах мелькнула тень воспоминаний. — Первые годы после войны были хаосом. Многие отказывались от чипов, бежали в подземелья. Но без защиты, без систем очистки, без привычного мира их психика не выдержала. Радиация, голод, одиночество... Те, кто остались, опасны для нас.

Диана взглянула на схему. На ней были отмечены семь точек, семь секторов, семь подземных городов, выстроенных за полвека после катастрофы.

— Что тогда? — она попыталась унять дрожь в голосе. — Мы не можем оставаться здесь вечно.

— Нет, — Демид кивнул, и его взгляд стал решительным. — Но мы можем пойти туда, куда никто не осмеливался. В другие сектора.

Он указал на одну из точек, ближайшую к их убежищу, всего в сорока километрах по горизонтальному тоннелю.

— Здесь. Сектор-3. По документам это научно-исследовательский центр. Но я подозреваю, что там хранятся какие-то архивы. Полные данные о создании чипов, о стабилизаторах, о настоящих целях Нулевого. Возможно, там есть формула антидота.

— Как мы туда доберемся?

— Я подготовился.

Демид поднялся, подойдя к стене. В стороне, отодвинув тяжелый шкаф, он открыл нишу, где находилось снаряжение. Перед Дианой предстали два костюма, массивные, из плотной ткани с металлическими вставками, с герметичными шлемами и ребристыми шлангами, ведущими к ранцам на спине.

— Радиационная защита, — пояснил Демид. — Даже в тоннелях, на глубине пятидесяти метров, фон превышает норму в сотни раз. Без них мы продержимся не больше часа. Но это не только от радиации. Внешний слой — свинцовая нить и кевлар. Внутренний — система охлаждения и датчики герметичности. Если порвётся, кислород уйдет за минуту.

Он направился к другому углу, сдернув брезент. Под ним был вездеход, небольшой, на гусеницах, с герметичной кабиной и парой фар, горящих, как глаза ночного зверя.

— Это «Крот-2», — сказал Демид. — Довоенная модель для геологоразведки. Полностью герметичный, выдерживает давление до десяти атмосфер. Аккумуляторы на двести километров хода. Есть система регенерации воздуха, запас воды на месяц. Но есть проблема.

— Какая?

— Нулевой может засечь нас, — ответил Демид, и в его голосе прозвучала трещина. — Вездеход создаёт вибрацию, которую фиксируют сейсмические датчики. И если он запустит протокол поиска, мы не сможем спрятаться. У нас нет мощного оружия для защиты.

— Оружия?

— В Городе-01 его не производят. Это запрещено. Только старые запасы, и те под контролем Совета. У меня есть несколько единиц, но патронов мало. Если нас найдут... мы будем беззащитны.

Диана смотрела на вездеход, на его бронированные борта, на тусклые фары, и холодный страх, живой, не придавленный чипом, охватил её.

— Но у нас нет выбора, — прошептала она.

— Нет, — согласился Демид. — Поэтому завтра на рассвете мы отправляемся.

Остаток дня они провели в суматошных сборах. Демид досконально проверял системы вездехода, заряжал аккумуляторы, хладнокровно упаковывал припасы. Диана же, с неуклюжестью новичка, пыталась совладать с громоздким защитным костюмом.

Он был тяжёл, казался чужеродным, неудобным. Демид терпеливо объяснял назначение каждого слоя: внешний, сотканный из свинцовой нити и кевлара, — щит от смертоносной радиации и механических повреждений; средний, система охлаждения, — спасение от нестерпимого жара, который мог бы испепелить изнутри; внутренний, мягкий и податливый, впитывал пот, равномерно распределяя давление.

— Шлем герметичен, — говорил он, демонстрируя надёжные замки. — Фильтры задержат любую радиоактивную пыль и химические соединения. Кислорода хватит на шесть часов. Но в вездеходе есть запасные баллоны.

— А если костюм порвётся? — с тревогой спросила Диана.

— Не допустим, — отрезал Демид, его взгляд стал жёстким. — Будем предельно осторожны. Никаких резких движений, никаких острых предметов.

Он показал ей, как пользоваться рацией, как активировать аварийный маяк, как открыть люк изнутри. Диана запоминала каждое его слово, каждый жест.

— Почему мы не можем просто остаться здесь? — спросила она, когда последние приготовления были завершены.

— Потому что здесь мы никогда не узнаем правду, — ответил Демид, его голос прозвучал глухо. — А без правды мы не сможем победить. «Нулевой» будет контролировать нас, пока мы живы. Единственный способ вырваться — это разрушить систему изнутри. А для этого нужно знать её слабые места.

Вечером они сидели у электрического камина. Диана перелистывала книгу стихов, ту самую, с пушкинским «Я вас любил...». Она уже знала её наизусть.

— Демид, — позвала она.

— М?

— А что, если там, в других секторах, нет никаких архивов? Что, если Нулевой уничтожил всё?

— Тогда мы будем искать дальше, — ответил он, не отрывая взгляда от пламени. — Пока не найдем правду.

— А если правды нет?

— Тогда мы создадим её сами, восстановив право людей на настоящую жизнь и будущее, — он посмотрел на неё, и в его глазах отразился огонь.

Диана прижалась к нему, чувствуя тепло его тела. В камине искусственно горели угли, освещая их уединение.

ГЛАВА 11. ВХОД В ТОННЕЛЬ

На рассвете они надели защитные костюмы. Демид тщательно проверил герметизацию, активировал подачу кислорода. В шлемах было тесно, душно, но они дышали, ощущая каждый глоток живительного газа.

— Идем, — скомандовал он по внутренней связи, его голос звучал приглушенно.

Они вышли из убежища и двинулись по коридору, ведущему вниз. Через двести метров коридор расширялся, открывая перед ними вход в огромный горизонтальный тоннель. Он был поистине грандиозен: высотой в два человеческих роста, шириной в три. Стены были из грубого бетона, местами осыпавшиеся, и хранили тайны прошлого.

В воздухе витал запах сырости и озона. Счётчик Гейгера на запястье Демиды затрещал, оповещая о приближении к неизведанному.

— Фон в пределах нормы для тоннеля, — как бы невзначай сказал он. — Но надолго останавливаться здесь нельзя.

В тесный герметичный вездеход они забрались с трудом и приготовились к прыжку в бездну. Двигатель ожил с тихим, почти неслышным гулом, словно вздох спящего гиганта. Фары, прожекторы, вырвали из первозданной тьмы фрагменты бетонных руин, обломки искореженных труб, ржавчину старых рельсов. Диана, прищурившись, всматривалась в таблички с названиями, ныне стертые беспощадным дыханием времени.

— Держись, — прошептал Демид, и машина, дернувшись, устремилась вперед.

Тоннель, подобно извивающейся черной змее, уходил в бесконечную даль. Лучи фар, выхватывая лишь метры пути, оставляли остальное наедине с непроглядным мраком. Диану терзала двойственная мысль: что было хуже — зловещий свет, обрисовывающий контуры опасности, или тьма, таящая в себе неведомое?

— Расскажи мне о мире наверху, — сказала она, и голос ее затерялся в тишине.

Демид помолчал, подбирая слова и мысли, как осколки былого.

— Там ничего нет, — наконец обронил он. — Я видел поверхность дважды. В первый раз — с отцом. В громоздком защитном костюме. Мы выбрались через старую шахту. Небо... оно было серым, плотным. Солнца не было. Земля — спекшаяся, черная, безжизненная. И такой ветер... точнее, его отсутствие. Тишина. Такая всепоглощающая тишина, что звенела в ушах.

— Радиация? — вопрос нервно слетел с ее губ.

— Смертельная. Полчаса без защиты, и ты умрешь. Три, и даже костюм не спасет. Отец говорил, сотни лет понадобятся, чтобы земля вновь задышала. Может, тысяча. Мы никогда не увидим солнца.

Диана перевела взгляд на экран, где хаотично мигали цифры датчиков радиации. Они плясали, но оставались в пределах допустимого.

— А другие сектора? — снова спросила она. — Они тоже находятся под землей?

— Да. Все. Их строили в разных уголках континента, глубоко, чтобы укрыться от радиации. Между ними километры породы, брошенные транспортные тоннели. Никто не знает, что там, в других секторах. Связи нет. Транспорта нет. Нас разделяет пустота и смерть.

— Почему не проложили сообщение?

— Чтобы избежать войны, — ответил Демид. — Если бы сектора могли общаться, началась бы борьба за ресурсы. За территории. За власть. Так сказал Нулевой. И люди поверили.

— А ты не веришь?

— Я знаю, что можно жить иначе, — он посмотрел ей в глаза, и в его взгляде плескалась нежность. — Встретив тебя, я понял, что могу жить иначе.

Они погрузились в тишину, нарушаемую лишь мягким покачиванием вездехода на стыках рельсов. Диана вновь смотрела на темные очертания тоннеля, и в её сознании рождался

образ: где-то там, за толщей бетона и породы, есть другие люди. Такие же, как они. Или уже совсем не такие.

– Демид, – произнесла она, прерывая молчаливое размышление.

– Да?

– А если Нулевой узнает о нашей цели?

– Он не узнает, – уверенно ответил Демид. – Я запустил программу, подменяющую данные с камер. Он не подозревает, что мы уже ушли за периметр.

– А когда поймет?

– Тогда у нас будет мало времени, – с горечью признал Демид. – Поэтому мы не можем останавливаться.

Вездеход набрал ход, словно стрела, выпущенная из лука. Фары, прорезая мрак, выхватывали из темноты рельсы, шпалы, старые, забытые светофоры. Диана прижалась к Демиду, и вдвоем они неслись вперед, в объятия неизвестности.

Через полтора часа, сбавив скорость, вездеход полз, как бронированный жук, по чреву земли. Демид не стал ускоряться, потому что они въехали на территорию, где он никогда не был. И поэтому помнил, что любое неверное решение может обернуться смертельным обвалом или падением в зияющую пасть старой шахты.

Тусклый свет фар вырывал из непроглядной тьмы лишь фрагменты прошлого: осыпающиеся бетонные своды, скелеты ржавых труб, поблекшие таблички с названиями станций, чей смысл давно потерялся в забвении.

Диана, прильнув к счетчику Гейгера, наблюдала за его безумным танцем. Цифры взлетали: 80, 90, 100 микрорентген в час. Терпимо для подземелья, но смертельно опасно для человека без защиты.

Тяжесть костюма давила на плечи, гул вентиляции проникал до самых костей, и с каждой минутой воздух становился все более разреженным, словно выдыхаемый самой смертью.

— Сколько нам еще? — ее голос прозвучал приглушенно.

— Часа три, если тоннель не преподнесет сюрпризов, — ответил Демид, не отрывая взгляда от приборов. — Он должен быть почти прямым, но кто знает, что там, впереди? Старые обрушения, это обычное дело.

Он указал на мерцающий экран, где извивалась сложная паутина тоннелей.

— Видишь эти ответвления? Это старые вентиляционные шахты. Они ведут наверх. Там радиация запредельная. Одно неверное движение, и датчики запищат, тогда нам придется повернуть назад.

— А что там, наверху?

— Смерть, — голос Демида стал твердым. — Ядерные удары прошли по всем городам. Остальное добились радиоактивные осадки. Пятьдесят лет прошло, а земля все еще выжжена. Ни единого ростка, ни одного живого существа. Только пепел и пустота.

Диана рисовала в воображении это царство смерти: серое, безжизненное небо, черную, как смола, землю, ветер, поднимавший в воздух смертоносную пыль.

Настоящего неба она никогда не видела. В Городе-01 оно было лишь иллюзией — купол, на который проецировали унылый серый цвет. Но солнца, облаков, дождя, истинного дыхания природы она не знала.

— А другие сектора?

— Построены глубоко, на разной глубине. Говорят, Сектор-7 — самый глубокий, почти в километре от поверхности. Туда даже «Кроты» не доберутся. А наш, Сектор-3, — всего метров триста. До него ведут старые транспортные тоннели. Когда-то по ним тянули грузы. Теперь они забыты.

— Почему их не поддерживали?

— Потому что Нулевой решил, что изоляция — наше спасение, — в голосе Демида зазвучали стальные нотки. — Каждый сектор предоставлен сам себе. Свое производство, свои ресурсы, свое население. Никакой связи, никакой торговли. Если один сектор погибнет от болезни или мутаций, остальные выживут.

— Но мы же...

— Мы — исключение, — он посмотрел на нее, и в его глазах мелькнула тень опасности. — И если нас поймут... то убьют. Не потому, что мы опасны. А потому, что мы нарушаем правила.

ГЛАВА 12. ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Ещё через час их путь преградило зрелище, от которого у Дианы замерло сердце. На ржавых путях покоился пассажирский вагон — истерзанный временем, с зияющими провалами выбитых стёкол. Внутри, среди обломков кресел и разбросанных вещей, виднелось множество костей.

— Люди, — прошептала Диана, осознание ударило её волной ужаса. — Они пытались спастись...

— Да, — тихо отозвался Демид, его голос был лишен всяких эмоций. — Когда налетела война, многие искали спасение в бункерах. Кому-то повезло. Остальным — нет.

Они объехали вокруг искореженного вагона. Ещё через час движения Демид начал сбавлять ход.

— Похоже, мы почти на месте, — сказал он, вглядываясь в экран. — Сектор-3 на связи. Я вижу их сейсмические датчики. Если подойдем ближе, нас засекут.

— Как ты собираешься проникнуть внутрь?

— У меня есть базовый код доступа, — ответил Демид. — Когда строили Сектор-3, отец работал в проектной группе. Если повезёт, пройдем.

Мужчина остановил вездеход в нескольких сотнях метров от входа. Заглушил двигатель.

— Дальше пешком.

Они вышли. В кромешной тьме тоннеля мерцали лишь индикаторы на их шлемах. Демид вёл Диану, тщательно отсчитывая шаги. Наконец впереди показалась массивная герметичная дверь, украшенная символикой Сектора-3. Демид подошел к панели, приложил руку. Экран замигал.

— Доступ запрещен, — произнёс безжизненный механический голос.

— Чёрт, — выдохнул Демид, ощущая, как надежда ускользает. — Они обновили производственные протоколы.

— Что будем делать?

— Взламывать, — он достал из рюкзака свой программатор, подключил его к панели. — Это займёт время. Следи за датчиками.

Диана вглядывалась в экран, где непрерывным потоком бежали строки кода. Сзади, в темноте, что-то зашуршало.

— Демид, — тихо позвала она. — Слышу что-то.

Он не оборачивался, пальцы его мелькали по клавишам, а неведомый шорох приближался. Диана увидела в бледном свете фонаря несколько пар горящих глаз. Это были огромные крысы, размером с кошку. Мутировавшие.

— Демид, быстрее.

— Готово!

Дверь резко отворилась. Они вбежали внутрь, и она с оглушительным грохотом захлопнулась за ними. С той стороны послышался отчаянный скрежет когтей по металлу.

— Живы, — выдохнул Демид, прижимаясь к внутренней стене.

Они стояли в тамбуре шлюза. Впереди маячила вторая дверь, а за ней находился Сектор-3.

— Теперь мы там, где не должны быть, — сказал Демид, в его голосе прозвучала угроза. — Дальше только вперёд.

Вторая дверь распахнулась с протяжным стоном, словно древняя тварь, пробуждающаяся от долгого сна. За ней открылся не просто коридор, а целый подземный город, затаивший дыхание.

Диана замерла на пороге, сердце отчаянно колотилось о рёбра. Свет, настоящий, почти живой свет заливал всё пространство. Не тусклые, призрачные лампы убежища, а яркие, белоснежные панели, венчающие исполинские потолки.

Воздух здесь был прохладным, сухим, но отстраненным от смрада плесени и дыхания радиации. Фильтры защитных костюмов подтвердили: безопасный уровень. Можно было вдохнуть полной грудью.

— Снимай шлем, — раздался голос Демида, который уже освобождался от защитной сферы.

Диана стянула герметичный колпак. Прохладный воздух обжег легкие — чистый, стерильный, искусственный. Но после всех часов, проведенных в затхлой атмосфере костюма, он казался нектаром самой жизни.

Они стояли на широкой платформе, с которой открывался завораживающий вид на главную галерею Сектора-3. Внизу, этажами ниже, словно в гигантском улье, простирались жилые блоки, аккуратные, методичные ряды одинаковых дверей, балконы-колодцы без перил, извивающиеся мосты. Всё было выдержано в мрачной, функциональной серости, без единого робкого проблеска цвета. Напоминало Город-01. Но здесь, в этом безмолвном царстве, не было ни души.

— Пусто, — выдохнула Диана, её голос дрогнул. — Где все?

— Не знаю, — Демид извлёк программатор, его пальцы замелькали над мерцающим экраном, сверяясь с голографической картой. — Архивы должны быть на нижнем уровне. Идём.

Они двинулись по платформе к зияющей чернотой лифтовой шахте. Двери открылись бесшумно, автоматически, словно ждали именно их, предчувствуя их прибытие. В кабине была только одна кнопка, мерцающая обещанием: «Уровень-7. Архив».

— Видимо, нас ждут, — едва слышно прошептал Демид, в его голосе звучала тревога. — Это может быть ловушка.

— Или приглашение, — ответила Диана, её взгляд был твёрд.

Она нажала кнопку. Кабина лифта плавно понеслась вниз. Где-то за стенами, в недрах этого подземного гиганта, мерно гудели механизмы. Это был монотонный, убаюкивающий звук, как пульс спящего исполина. Диана вела счёт этажам. Пять, шесть, семь.

Двери отворились. Перед ними раскинулся длинный, прямой коридор, выложенный чёрным глянцевым камнем, отражающим их силуэты. Стены излучали тусклый синий свет, исходящий не от ламп, а от самого материала, словно это были жилы светящегося минерала. Пол, словно озерцо ртути, зеркально отражал каждый их шаг. В конце коридора маячила массивная дверь, лишённая всяких ручек и замков.

— Введите код, — произнёс бесстрастный голос из невидимых динамиков.

Демид шагнул к сканеру, установленному у стены, подключил свой программатор и долго нажимал на кнопки, пока не нашёл лазейку. Экран ожил, замерцал, и по нему побежали строки непонятного кода.

— Доступ разрешён, — отозвался голос.

Дверь бесшумно отворилась. Они вошли в зал, где слова теряли смысл, где пространство расширялось за пределы восприятия. Это было сердце Сектора-3, истинный резервуар знаний, который Нулевой, несмотря на все свои усилия, не смог уничтожить.

Бесконечные ряды серверов уходили в туманную даль, мигая тысячами зеленых и синих огоньков. Вдоль стен располагались древние терминалы, напоминавшие те, что они видели в Архиве Чистоты, но куда более мощные, словно пришедшие из другого века.

В самом центре зала, словно пульсирующий мозг этого царства информации, парил голографический шар, в виде трехмерной карты всего подземного комплекса, испещренный пометками секторов, тоннелей, вентиляционных шахт.

— Здесь, — Демид подошёл к одному из терминалов, его пальцы скользнули по холодной поверхности.

Он коснулся экрана, и перед ним развернулось меню, защищенное паутиной многоуровневого кода.

— Это займет время, — предупредил он, не отрывая взгляда от мерцающих символов.
— Осмотрись пока.

Диана отошла к голографической карте. Её пальцы коснулись мерцающего шара, вращая его, исследуя каждый уголок. Сектор-1, Сектор-2... Сектор-7, самый глубокий, отмеченный зловещим кроваво-красным цветом. Она приблизила изображение. Там виднелись какие-то сооружения, но они не походили на жилые блоки. Скорее, на скрытые лаборатории.

— Что здесь? — спросила она, её голос был полон любопытства и опасения.

Демид поднял голову, его взгляд был прикован к карте.

— Сектор-7. Закрытый. Никто не знает, что там. Даже я.

— Может, там ответы? — предположила Диана.

— Может. Но сначала нужно выжить здесь.

Он вернулся к своей работе, к взлому системы. Диана подошла к стене, где за стеклом покоились фотографии. Старые, выцветшие, словно призраки прошлого. Люди в лабораторных халатах, их лица были освещены улыбками. Групповые портреты, застывшие во времени. На обороте одного снимка она разглядела выцветшие чернила: «Создатели чипа, 2049 год».

— Это они, — прошептала Диана, её пальцы нежно коснулись пожелтевшей поверхности.
— Те, кто всё начал.

Демид подошел, его взгляд остановился на фото.

— Мой отец был среди них, — тихо сказал он, призрачная боль промелькнула в его глазах. — Второй справа.

— Что случилось с остальными?

— Нулевой избавился от них, — голос Демиды стал жестким. — Слишком много знали. Слишком много могли.

Диана вернулась к карте, её внимание приковала другая зона Сектора-3, пульсирующая точка в самом сердце комплекса.

— Демид, здесь есть активная зона.

Он подошел, и вгляделся в мерцающее пятно.

— Это не ошибка. Кто-то здесь есть.

ГЛАВА 13. ОБИТАТЕЛИ СЕКТОРА-3

Они обнаружили их в жилом блоке. Не сразу, а после того, как долго блуждали по пустым коридорам. Стены здесь казались безликими, как и множество одинаковых дверей, ведущих в комнаты с аккуратно заправленными кроватями. Всё вокруг было стерильно, выхолащено, словно музей, застывшем в объятиях времени.

И вдруг Диана уловила звук. Не бездушный гул механизмов, а живой. Детский смех, пронзительно чистый, он словно разбивал мёртвую тишину. От неожиданности они замерли.

Из-за угла стремительно вылетел мальчишка лет десяти. Грязный, облаченный в обтрепанные лохмотья, но глаза его горели неугасимым, живым огнём. Увидев их, он резко остановился.

— Вы новенькие? — спросил он, с подозрением изучая незнакомцев.

Диана растерялась. Демид, бесшумно опустившись на корточки, ответил:

— Да. Мы пришли издалека.

— У вас нет чипов, — констатировал мальчик, внимательно вглядываясь в их шеи. — Я тоже без чипа. Меня зовут Дан. Я здесь родился.

Следом за ним из-за угла показались люди. Четверо мужчин, две женщины. Искудавшие, но в их глазах бушевал огонь жизни. На коже некоторых из них были шрамы, свидетели пережитых битв.

— Вы дефектные? — уточнил один из мужчин.

— Да, — подтвердил Демид. — Но нам не нравится такое название.

— Тогда проходите. Вы не первые такие.

Они провели их в просторную общую комнату, где в углу трещал настоящий, живой камин, пожирая поленья. Диана не могла поверить своим глазам.

— Как вы здесь выживаете? — выдохнула она.

— Экономим припасы, чиним старые генераторы, собираем воду из-под земли, — спокойно ответила женщина. — Нулевой забыл о нас. Считает, что мы давно погибли. А мы живём.

— Сколько вас здесь?

— Тридцать семь. Было больше.

Демид рассказал им о цели своего визита — архивах, чипах, стабилизаторах.

— Данные есть, — заверил один из мужчин. — Мы их видели. Но расшифровать не смогли.

— Я смогу, — уверенно ответил Демид.

Они спустились в архив. Демид погрузился в работу, заставив терминал оживать под его пальцами, пока Диана общалась с жителями. Они поведали ей правду, которую Нулевой скрывал.

Оказалось, проблема была не только в чипах и стабилизаторе. Сама жизнь под землёй медленно убивала людей. Радиация, наследие войны, просачивалась сквозь толщу породы, сквозь бетон, сквозь системы фильтрации. Она незаметно накапливалась в телах, и это было неотвратимо. Люди старели быстрее, слабели, умирали молодыми. Нулевой списывал это на естественные причины, но реальность была куда страшнее.

— Есть препарат, — сказала женщина, представившаяся Ирмой. — Его создали наши ученые после ядерного заражения планеты. Мой отец был в той группе. Он рассказывал, что препарат очищает организм от радиации, замедляет старение, продлевает жизнь. Нулевой забрал формулу и всех, кто с ней работал. Нам оставили лишь малые порции. После приема этого препарата Стабилизатор не нужен. Он только вредит развитию человечества. Так говорил отец.

— Это не контроль, — прошептала Диана, чувствуя, как холодеет внутри. — Это рабство.

— Я нашел здесь информацию, что существует антидот от Стабилизатора, — удивленно спросил Демид, отрываясь от экрана терминала.

— Да. Его формула там же, в Секторе-7. Вместе с формулой нашего препарата. Нулевой держит их как резерв. На случай, если захочет создать новых дефектных или... или уничтожить ненужных.

— Почему он не уничтожил антидот?

— Потому что он не уверен в будущем, — ответил Эрнест. — Мы все — эксперимент. Если система даст сбой, он сможет перезапустить её с помощью нас же. Так что антидот — идеальная гарантия.

Диана посмотрела на мерцающую красным пульсом карту.

— Мы идём туда.

— Это самоубийство, — возразил ей Демид.

— Мы уже мертвы, — ответила она, чувствуя, как решимость наливает её силой. — Мы просто ещё не осознали этого.

Он обнял её, чувствуя несломленный дух.

— Хорошо, идём.

После ужина, когда Диана помогала Ирме колдовать над посудой, к Демиду подошёл один из местных. Мужчина выглядел уставшим, с серебряными висками и лицом, иссечённым глубокими морщинами, словно карта давно минувших лет.

— Тебе нужно кое-что увидеть, — прошептал он, его голос был тихим, как шорох ветра в пустой трубе. — Иди за мной.

Демид бросил взгляд на Диану. Её едва заметный кивок стал для него сигналом. Он последовал за незнакомцем в подземный полигон, где на стене висела карта. Не холодный, бездушный экран, а старый, потрепанный кусок пластика, испещренный линиями.

Здесь были отмечены тоннели, сектора, дыхательные каналы вентиляции. Но среди всего этого упорядоченного хаоса, глубоко под землей, там, где, казалось, не было ничего, зиял жирный, наглый крест.

— Что это? — спросил Демид, его голос утратил привычную плавность.

— Мы обнаружили это случайно, — ответил хранитель тайны. — Примерно лет пять назад. Один из наших товарищей провалился в старую шахту. Мы спустились за ним и... наткнулись на это.

— На что?

— Подземный комплекс. Ничего подобного тому, что создавали люди до войны. Стены там из неизвестного металла. И оружие...

Он достал из ящика предмет, который заставил Демиду замереть. Это был гладкий цилиндр из тёмного, отливающего синевой металла, с едва заметными гранями. На одном конце тускло мерцал полупрозрачный кристалл, не похожий ни на один известный минерал. Внутри него, казалось, двигались огоньки.

— Что это? — спросил Демид, беря оружие в руки.

Оно было холодным, но под пальцами чувствовалась слабая вибрация, словно внутри что-то жило.

— Мы называем это «Шёпотом», — ответил мужчина. — При нажатии на спуск он издает едва слышный звук, как будто кто-то шепчет тебе на ухо. А потом... — он поморщился, вспоминая. — Мы проверяли на крысах. Внутренности превращаются в кашу. Мгновенно. И никаких внешних повреждений.

Демид осмотрел оружие. Ни кнопок, ни предохранителей не было, только небольшая впадина для пальца. Он направил оружие на дальнюю стену подземного полигона и нажал. Раздался низкий, почти не слышный гул, от которого заныли зубы. На стене напротив появилась трещина, бетон раскололся, словно от внутреннего взрыва.

— Это не наше, — сказал Демид. — Это не человеческое.

— Мы поняли, — кивнул мужчина. — Там, в комплексе, таких десятки. Может, сотни. Но мы побоялись брать больше, вдруг система засечет. Взяли только то, что смогли унести. Он нас спасал не раз.

— Вы знаете, что это за место?

— Нет. Но мы заметили, что когда кто-то подходил к входу, у нас начинали выть приборы. Не радиация. Что-то другое.

Демид посмотрел на карту. Место было отмечено глубоко под горой, в стороне от всех известных секторов.

— Мы должны туда вернуться, — уверенно сказал он. — Не сейчас. Но позже. Это может быть важно.

— Забирайте «Шепот», — сказал мужчина. — Он вам пригодится.

— Спасибо, — ответил Демид. — Мы вернёмся. И тогда вы покажете нам вход туда.

— Договорились.

Ночь прошла в суете убежища. Диана, не в силах уснуть, сидела у камина, зачарованно глядя на пляшущие языки пламени. Демид же, забыв обо всем, склонился над картами и программатором.

— Прямого тоннеля нет, — сказал он, его голос был отстраненным, сосредоточенным. — Придется подниматься на уровень выше, пересечь старую дренажную систему, а потом снова уходить вглубь. Весь путь составляет около сотни километров.

— Сколько времени понадобится?

— Если повезет, то сутки. Но могут быть обвалы, радиационные ловушки, мутанты.

— И охранники?

— Охранники — это в самих секторах. На тоннелях их нет. Но сейсмические датчики могут засечь нас.

— А если мы отключим датчики?

— Они автономны. Питаются от термальных источников. Отключить можно только физически.

Диана приблизилась к карте, ее палец скользил по извилистым линиям тоннелей.

— А здесь? — спросила она, указывая на старую вентиляционную шахту.

Демид наклонился, вглядываясь.

— Это заброшенный ход. Я не проверял его состояние. Может быть, обрушен.

— Но он ведет в обход датчиков.

— Да. И радиация там может быть выше.

— У нас есть костюмы, — спокойно ответила Диана. — И вездеход.

Демид поднял на нее взгляд. В ее глазах он не видел страха. Только непоколебимая решимость.

— Хорошо, — спокойно произнес он. — Пойдем через вентиляцию. Попробуем.

Утром они попрощались с выжившими. Ирма вручила им припасы — мешок сухарей и флягу воды.

— Возвращайтесь, — сказала она, ее голос дрожал. — Мы будем ждать вас.

— Если найдем антидот, вернемся, — ответила Диана, но в ее словах прозвучала клятва. Мальчик Дан подбежал к ней, крепко обнял за ноги.

— Ты придешь? — спросил он, его голос был полон отчаяния.

— Обязательно, — Диана ласково погладила его по голове. — Я принесу лекарство.

Диана не знала, верит ли её словам этот мальчик. Но ей отчаянно хотелось, чтобы он верил.

Они покинули убежище. Демид нес оружие, словно древний воин свой меч. Диана на плечо надела рюкзак с припасами. Костюмы были надеты, шлемы загерметизированы. Везде-

ход ждал их там, где они его оставили, в трехстах метрах от входа, словно молчаливый спутник, готовый к новому пути.

— Быстрее и без лишнего шума, — прошипел Демид.

Тоннель поглотил их. Сырая, гнетущая тьма сгущалась вокруг, пропитанная запахом прелой плесени и едкой гари. Прибор Гейгера тревожно трещал, но пока держался в пределах нормы.

— Демид, — прошептала Диана, её голос звучал как испуганный вздох.

— М?

— Ты веришь, что там, в этом месте, мы найдем ответы?

— Не знаю, — признался он. — Но мы должны. Если там препараты, технологии, может, и записи. Кто построил этот комплекс? Зачем? Может, это не Нулевой был... может, кто-то другой.

— Кто же?

— Те, кто готовился к войне. Или, быть может, те, кто пытался её остановить.

Тишина окутала, нарушаемая лишь их собственным дыханием. И снова послышался шорох, скользящий по сырым стенам. Вспышка фонаря осветила стены. Луч вырвал из мрака адские глаза, два красных, горящих угля, полных злобы. Крысы. Чудовищные, с облезлой шкурой и длинными, кожистыми хвостами. Их было много, десятки, сотни.

— Бежим! — крик Демида эхом отразился от стен.

Они бросились к вездеходу. За спиной раздался топот, крысы шли по их пятам. Демид обернулся, мгновенно вскинув «Шепот». Тихий, почти беззвучный, но смертоносный импульсный разряд вырвался из дула. Первая волна тварей рухнула замертво.

— Беги! — крикнул он Диане, не отрывая взгляда от приближающейся орды.

Она почти добежала до вездехода, отчаянно дергая дверцу. Демид стрелял снова и снова, отступая, превращаясь в живой щит. Крысы напирали, но «Шепот» косил их, подобно безжалостной косе, срезающей траву.

— Заводи! — крикнул он, запрыгивая в кабину.

Мотор взревел. Вездеход рванул с места, оставляя позади визжащее море крыс, чей шум постепенно угасал в темноте тоннеля. Они мчались в тишине, тяжело дыша. Демид сжимал «Шепот» в руке, словно искал в его металле утешение.

— Это спасло нам жизнь, — выдохнула Диана.

— Да, — ответил он. — Но мы понятия не имеем, что ещё скрывается в этом комплексе, и кто его охраняет.

Взгляд Демида упал на карту. Точка на месте комплекса вызывала жгучий интерес мужчины.

— Мы вернемся, — твердо сказал он. — Обязательно.

Вездеход нёс их прочь от Сектора-3, к Сектору-7, навстречу неизвестности, навстречу правде, которая, возможно, была еще страшнее, чем те, кто бродил в темноте.

ГЛАВА 14. ТОННЕЛЬ ПРИЗРАКОВ

Шахта оказалась зловещей щелью, с трудом вмещающей вездеход. Ржавые, покрытые холодной испариной стены растворялись во мраке. Воздух был спертый и давил на легкие запахом озона и химической едкости. Счетчик Гейгера отсчитывал тревожные секунды, его треск нарастал: 100, 150, 200.

— Радиация растет, — констатировал Демид. — Но пока в пределах защиты.

Машина ползла, словно окаменевшее насекомое, сквозь общий мрак. Луч фар выхватывал из темноты спутанные клубки кабелей, покрытые язвами трубы, застывшие и обреченно вращающиеся вентиляторы, чей низкий гул пробирал до самых костей.

— Скоро? — голос Дианы был едва слышен.

— Часа два. Затем выйдем в основной тоннель.

— А если шахта обвалится?

— Не будем думать о плохом.

Вездеход качнулся, увязнув в луже. Диана увидела, как мутная вода вспыхнула слабым, зеленоватым свечением.

— Радиоактивная, — предостерег Демид.

Они объехали её по самому краю и через два часа, вырвавшись из плена узкого лаза, оказались в главном тоннеле. Фон радиации снизился до 150 микрорентген. Демид остановил вездеход, чтобы свериться с приборами.

— Сейсмическая активность низкая, — сообщил он. — Пока нас не обнаружили.

— А остальные датчики?

— Пока тихо. Но в Секторе-7 они могут быть более чувствительными.

Демид включил карту. До цели оставалось около пятидесяти километров.

— Если не будет непредвиденных препятствий, через пару часов будем на месте.

Они двинулись дальше. Тоннель был шире вентиляционной шахты, но куда более мрачным. Фары выхватывали стены, покрытые причудливыми наростами. Вокруг были мутировавшие споры, испускающие тусклое голубое свечение.

— Биолуминесценция, — пояснил Демид. — Мутировавшие споры. Они питаются радиацией.

— Опасны?

— Если вдохнуть, то смертельно. Но у нас фильтры.

Диана смотрела на светящиеся стены, ощущая странное смешение восхищения и ужаса. В этом мертвенном сиянии была своя, извращенная красота.

— Демид, — позвала она.

— Да?

— Ты боишься того, что мы найдем в Секторе-7?

Он помолчал, словно взвешивая каждое слово.

— Да, — признался он. — Но еще больше я боюсь не попытаться.

Три часа пути, и на их дороге возникла непроходимая преграда. Это был не природный обвал, а тщательно спланированная ловушка. Видимо, кто-то намеренно похоронил тоннель, чтобы заблокировать путь до Сектора-7.

— Это свежее, — констатировал Демид, внимательно осматривая груды камней. — Следы взрывчатки.

— Кто мог это сделать? — спросила Диана, ее голос звучал напряженно.

— Неизвестно. Возможно, охранники. Или другие выжившие.

Демид достал программатор, пытаясь отыскать альтернативный маршрут.

— Есть старая дренажная труба, — сообщил он. — Но она очень узкая. Вездеход туда не пройдет.

— Значит, пойдем пешком?

— Другого выхода нет.

Они оставили вездеход, забрав лишь рюкзаки и «Шепот». Демид запер машину и активировал сигнализацию.

— Если кто-то попытается проникнуть внутрь, мы сразу узнаем.

Они осторожно шагнули в трубу. Внутри царила кромешная тьма, влажность пробирала до костей, а воздух был пропитан гнетущим запахом канализации. Диана включила фонарь на шлеме. Яркий луч разрезал мрак, выхватывая из темноты старые кирпичные стены, кое-где покрытые скользкой, отвратительной слизью.

— Держись рядом, — тихо попросил Демид.

Они двигались в полной тишине. Под ногами хлюпала вода. Где-то вдали доносился непонятный шум: то ли завывание ветра, то ли гул работающих механизмов, словно сама пустота дышала.

— Демид... — прошептала Диана, ее голос дрожал.

— Я слышу.

Шум нарастал, становился отчетливее. Они замерли. Внезапно из темноты вырвался мощный поток мутной, радиоактивной воды, несущей с собой обломки чего-то неведомого. Демид молниеносно схватил Диану, прижал ее к стене. Водная масса пронеслась мимо, лишь слегка задев края защитных костюмов, словно насмехаясь над людьми.

— Промывка системы, — пояснил Демид, его голос был спокоен, несмотря на пережитое. — Нас спасло то, что мы не оказались прямо на пути потока.

Несмотря на пережитый шок, они продолжили свой путь, словно ничего не произошло.

Труба вывела их в гулкий технический отсек, где царил призрачный свет аварийных ламп, выхватывающих из мрака стены, окаймленные рядами предупреждающих знаков: «ОПАСНОСТЬ. СЕКТОР-7. ДОСТУП ТОЛЬКО ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ РАЗРЕШЕНИЮ».

— Мы на месте, — прошептал Демид, его пальцы уже замелькали над панелью управления.

Экран ожил, и бесстрастный механический голос объявил:

— Доступ запрещен.

— Как и ожидалось, — Демид снова достал программатор.

— Сколько времени займет взлом?

— Сложно сказать. Эта система новее.

Диана напряженно вглядывалась в коридор. Тишина здесь была давящей, но она явственно ощущала чье-то незримое присутствие, чувствуя, как за ними наблюдают.

— Демид, пожалуйста, быстрее.

— Я стараюсь.

Внезапно стены словно взорвались ослепляющим белым сиянием, выжигающим глаза.

— Вы нарушили границу сектора, — прогремел голос из динамиков. — Немедленно остановитесь.

— Охранники, — тихо произнес Демид, его глаза расширились от ужаса.

Из коридора бесшумно и неумолимо выплыли силуэты роботов. Их человекоподобные фигуры, чьи искусственные глаза горели зловещим красным огнем, были вооружены.

— Это конец, — обреченно прошептала Диана.

— Нет, — упрямо ответил Демид, вся решимость мужчины собралась в этом слове.

Он нажал последнюю, решающую кнопку. Дверь с лязгом отворилась. Схватив Диану, он бросился внутрь. Роботы открыли шквальный огонь, но дверь стремительно захлопнулась за ними, отсекая лязг пуль.

Они стояли в крошечной темноте, задыхаясь от пережитого; сердца обоих колотились в груди.

— Мы живы, — выдохнул Демид, в его голосе звучало непередаваемое облегчение.

— Пока что, — ответила Диана.

Она включила фонарь. Сноп света вырвал из мрака извилистый коридор, уходящий вглубь таинственного Сектора-7.

— Что там? — спросила она, с тревогой глядя вперед, в неизвестность.

— Не знаю, — признался Демид, но в его голосе уже звучала новая нотка. — Но мы это узнаем.

В тот самый миг, когда тяжелая дверь Сектора-7 захлопнулась, отсекая Диану и Демида от внешнего мира, безмолвная система «Нулевого» активировала протокол отслеживания.

В сердце Города-01 запульсировали тревожные красные огни. Дежурный оператор, чье сердце билось ровно, а эмоции были стерты имплантированным чипом, отrapоптовал:

— Зафиксировано несанкционированное проникновение в Сектор-7. Нарушители — двое. Идентификаторы: Строгонова Диана, 47-А, признана дефектной. Демид Д-05, дефектный, бывший сотрудник правительства Нового Мира. Уровень угрозы — максимальный.

«Нулевой» не знал сна. Его бытие было вечным бодрствованием.

— Активировать группу захвата, — прозвучал его приказ. — Привлечь автономных охотников. Нарушителей ликвидировать. Защитить данные Сектора-7.

Из потайных ниш выскользнули хищные силуэты роботов-охотников. Они не походили на живых существ, скорее напоминая паукообразных тварей с восемью манипуляторами, цепко хватавшимися за любые поверхности, что позволяло им скользить по стенам и потолкам. Их сенсоры, как алчные глаза хищника, неустанно сканировали пространство, выискивая тепловые сигнатуры, малейшее движение, каждый трепет жизни.

В глубинах Сектора-7, не осознавая смертельной опасности, Диана и Демид брели по бесконечному лабиринту коридоров. Стены их были исписаны странными, гипнотическими символами, не похожими ни на буквы, ни на цифры, а на нечто ускользающее, промежуточное. Демид замедлил шаг, его взгляд приковался к причудливым узорам.

— Это язык программирования, — прошептал он, словно его осенило. — Довоенного периода. Здесь записаны алгоритмы.

— Алгоритмы чего? — нервно спросила Диана.

— Пока не знаю.

Он быстро схватил программатор и запечатлел символы. В этот момент эхом из тишины позади разнесся низкий, угрожающий скрежет металла.

— Они идут, — тревожно выдохнула Диана.

— Бежим!

Они бросились вперед, их шаги эхом отдавались в пустом коридоре. А позади, в сгущающейся тьме, замерцали зловещие красные огоньки, призрачные глаза их неумолимых преследователей.

ГЛАВА 15. ПЕРВАЯ ВОЛНА

Нечто немыслимое предстало перед ними. Безмолвный коридор распахнулся, явив взору огромный, гулкий зал, чьи своды терялись в высоте. Время, бывший хозяин этого места, оставило здесь лишь скорбные реликвии: ржавые давно забытые конвейерные линии, безвольно свисающие лохмотья кабелей, зияющие пустотой контейнеры. Это был призрак прошлого, отлитый в металл и бетон.

— Сюда! — Демид мастерски увлек Диану за громоздкую, истерзанную временем конвейерную ленту.

Следом за ними в зал бесшумно скользнули четыре фигуры. Ни единый звук не выдавал их механическую поступь. Они двигались как тени, как действительно призраки. Но ужасало мерцание в огнях их кроваво-красных глаз, сканирующих пространство с неумолимой целеустремленностью. Это были не простые стражи. Автономные охотники серии «Цербер», паукообразные механические существа на восьми конечностях, способные с легкостью передвигаться по стенам и потолкам.

— У них есть оружие? — прошептала Диана, замерев от ужаса.

— Лазеры, — ответил Демид, не отрывая взгляда от приближающихся теней. — Но они экономят энергию. Постараются взять нас живьем.

— А если не получится?

— Тогда испепелят.

Демид сжал в руке «Шёпот», бесшумное импульсное оружие, такой нужный подарок выживших из Сектора-3. Конечно, этого было мало, но достаточно, чтобы выиграть драгоценное время.

— Приготовься бежать, когда я скажу.

Он резко вынырнул из-за укрытия. Тихий, едва уловимый разряд «Шёпота» пронзил воздух. Первый охотник дернулся, из его оптического сенсора вылетел снап искр. Машина застыла, словно марионетка с оборванными нитями. Но остальные трое мгновенно активировали своё оружие, и их конечности трансформировались, обнажая смертоносные лазерные стволы.

— Бежим!

Их бег сквозь гулкое пространство превратился в отчаянную гонку на выживание. Воздух разрезали огненные нити лазерных лучей, оставляя на пластике конвейера оплавленные рубцы. Один луч прошел в сантиметре от головы Дианы, выжигая дымящуюся борозду в бетонной колонне. Другой ударил в пол у самых ног Демида, и каменная крошка взметнулась в стороны, как от удара молнии.

Диана оступилась, упала, но на лету была подхвачена Демидом. Он почти волок её за собой, ведя огонь на бегу. Второй выстрел «Шёпота» прозвучал тихой вибрацией, и ещё один охотник рухнул, его конечности конвульсивно дернулись и замерли.

Коридор принял их в свою спасительную тень. Массивные герметичные двери с автоматическим щелчком захлопнулись позади, отрезая преследователей. С той стороны донеслись глухие удары: оставшиеся двое охотников в ярости колотили в металл.

— Блокируй! — крикнула Диана, её голос треснул от напряжения.

Демид прижал программатор к панели управления. Экран замерцал, словно пульс умирающего сердца. Программа взлома запустилась, перехватывая контроль над дверью. С той стороны удары участились.

— Готово, — выдохнул он, когда дверь окончательно застыла, запертая намертво.

Они прислонились к холодной стене, тяжело дыша. В тишине коридора, где-то далеко, уже слышался новый звук: ритмичный металлический перестук множества ног. Это были не двое. Это уже была стая охотников.

Узкий служебный коридор, словно рассеченный ножом, вёл их в чёрное сердце неизвестности. Грубые, необработанные бетонные стены, лишённые опознавательных знаков, превращали каждый шаг в акт слепой веры. Демид, тщетно пытаясь ухватиться за карту, боролся с предательски рвущейся связью; экран мерцал, словно умирая.

— Помехи, — выдохнул он. — Кто-то глушит сигнал.

— Нулевой?

— Или сам Сектор. Нас не просто блокируют, здесь активная система подавления. Нас сканируют.

Коридор, будто играя с ними, вывел в огромный круглый зал, усеянный десятками дверей. Каждая была помечена номером, но ни один не находил отклика на карте. Потолок терялся в бездне, а откуда-то сверху доносилось низкое утробное гудение, как будто гигантский механический улей дышал.

— Это лабиринт, — понял Демид. — Сектор спроектирован, чтобы сбивать с толку, дезориентировать любого, кто осмелится сюда забрести.

— Что будем делать?

— Искать закономерность.

Диана подошла к ближайшей двери. Надпись гласила: «Образцы. Допуск только по спецразрешению». Сбоку виднелся сканер сетчатки глаза, но мертвый, без единого признака жизни.

— Здесь могут быть ответы, — прошептала она, чувствуя, как хрупкая надежда пробивается сквозь серую пелену страха.

Демид бесшумно взломал замок, прикоснувшись программатором к скрытой панели. Дверь послушно отворилась с тихим шипением пневматики.

Перед ними предстала небольшая, но удивительно хорошо оборудованная лаборатория. Столы ломились от пробирок, мерцали объективы микроскопов, ряды холодильников хранили свои тайны. В углу, под тонким слоем стерильной пыли, покоились столы с хирургическими инструментами. А на стене, словно маяк в этом монохромном мире, висел портрет Нулевого — единственное яркое пятно, единственный акцент жизни. Его голографическое изображение мерцало, следя за каждым их движением поворотом оптических линз.

— Что здесь хранилось? — Диана обвела взглядом помещение.

Демид открыл один из холодильников. Внутри, в стерильной тишине, покоились ампулы с прозрачной жидкостью. На этикетках тускло светила надпись: «Стабилизатор. Партия 11-А. Сектор-7».

— Это то, что мы ищем, — голос его был напряжен. — Но не антидот. Это оригинальный стабилизатор.

— Зачем он здесь?

— Для исследований, думаю. Чтобы усовершенствовать формулу. Нулевой не просто подавляет эмоции. Он создаёт зависимость. Это способ контроля.

Демид осторожно взял одну ампулу, бережно уложил её в рюкзак. Затем вторую, третью.

— Пригодится.

В этот момент тишину нарушил звук, совсем не похожий на скрежет металла. Это были шаги. Человеческие шаги. Медленные, осторожные, приближающиеся.

Они резко обернулись. В дверном проеме стоял мужчина. Худой, бледный, с сетью глубоких морщин, избородивших его лицо. На шее зиял кровавый рубец — след вырванного чипа. Его глаза, живые, осознанные, были полны боли и надежды, смотрели на них без тени агрессии.

— Вы пришли, — сказал он, и его голос прозвучал в наступившей тишине. — Я ждал.

Из глубины коридора, откуда они пришли, слышалось эхо. Охотники не отступили. Они приближались.

— Быстрее, — прошептал мужчина, жестом приглашая их следовать за собой. — Время ускользает. Они знают, что вы здесь.

Он вел их сквозь лабиринт узких, извилистых коридоров, обходя большие залы. Демид сжимал в руке «Шёпот», готовый к действию, Диана же крепко держала программатор с картой.

— Меня зовут Кирилл, — представился он, когда они оказались в небольшой, искусно замаскированной комнате без окон. — Я был одним из ученых, работавших над стабилизатором.

— Что произошло?

— Он запустил протокол очистки. Любой, кто знал формулу, был приговорен к ликвидации. Я укрылся в Секторе-7. Здесь есть места, куда даже его охотники не добираются. Выжил один: без чипа, без поддержки.

— Как ты питался? Где искал воду? — спросила Диана.

— Здесь есть всё необходимое, — Кирилл указал на потрепанные стеллажи с консервами и системы очистки воды. — Лаборатории, жилые модули, запасы. Но нет свободы. Выход заблокирован, а автоматические системы охраны активируются при малейшей попытке покинуть сектор.

— Почему ты не ушёл?

— Потому что я ждал того, кто сможет использовать эти знания, — ответил Кирилл. — Нулевой не просто подавляет эмоции. Он перепрограммирует мозг. Стабилизатор — это не лекарство. Это оружие.

— Оружие?

— Да. Оно вызывает зависимость на биохимическом уровне после десяти лет применения. Без него человек умирает в муках: полиорганная недостаточность, безумие. Это способ контроля, который невозможно обойти. Никто не откажется от стабилизатора, потому что отказ равносителен смерти.

— А антидот? — спросил Демид.

— Существует. Его формула хранится в главном сервере, на нижнем уровне. Но туда не добраться, там целая паутина охранных систем: лазерные турели, автономные дроны. И, конечно, охотники, новые модели.

— Мы пройдем, — решительно произнесла Диана.

Кирилл посмотрел на неё. В его глазах смешались вековая усталость и робкая надежда, окрашенные отчаянием.

— Вы похожи на тех, кто не сдаётся, — тихо проговорил он. — Идите за мной. Я знаю путь, где меньше камер и датчиков. Но помните, что обратной дороги больше нет.

ГЛАВА 16. ТЕНЬ СЕРВЕРНОЙ

Кирилл провел их сквозь паутину коридоров к лифту, ведущему на нижние уровни. Он двигался бесшумно. По всей видимости, это было выработано в нем годами одиночества. Мужчина не издавал лишних звуков. Его бледное лицо, испещренное глубокими морщинами, походило на карту мира, давно стертого с лица земли. Глаза, живые и пронзительные, горели лихорадочным огнем человека, слишком долго пребывающего во тьме. Седая щетина покрывала подбородок, а из-под рукава лабораторного халата мелькнула татуировка формулы, выведенная химическими чернилами.

— Стабилизатор, — пояснил он, уловив взгляд Дианы. — Я выжег его на себе, чтобы не забыть. Нулевой стирал все документы, но кожу он не контролировал.

По пути, словно перебирая драгоценные камни воспоминаний, он рассказывал:

— Сектор-7 был запасным центром управления. Если бы Город-01 пал, Нулевой переместился бы сюда. Здесь его резервная копия, запасные серверы, полный архив данных.

— Значит, здесь можно его уничтожить? — спросил Демид.

— Частично. Полностью удастся только в Центральном Узле, в Городе-01. Но здесь можно вырвать ключи к его слабостям, к протоколам отключения. Скачав данные с главного сервера, вы получите оружие против него.

Они вошли в лифт. Стены кабины были испещрены глубокими царапинами, словно кто-то отчаянно пытался вырваться из этой металлической гробницы. Диана уловила запах крови и озона. Двери закрылись, и кабина, вздохнув, начала медленное погружение в недра земли. Где-то внизу, в отдалении, зародился низкий, вибрирующий гул.

— Что это за звук? — спросила Диана, напрягая слух.

— Автономные патрули, — ответил Кирилл. — Не только охотники. Здесь есть машины покрупнее — «Стражи». Они не охотятся, они просто... стирают всё, что движется.

Лифт остановился. Двери разъехались, открывая вид на исполинский зал, стены которого были холстами, увешанными мерцающими экранами. На них пульсировали графики, схемы, бесстрастные сводки о каждом жителе Города-01. Тысячи имен, тысячи судеб, сведенных к строкам кода и биометрическим показателям. В центре зала, словно сердце этого механического мира, парила голограмма — трехмерная проекция, переливающаяся холодным голубым светом. Это была копия Нулевого.

— Подождите, — торопливо сказал Кирилл, когда они сделали первый шаг. Он присел, словно готовясь к прыжку, достал из кармана осколок зеркала и, высунув его за угол, оценил обстановку. — Чисто. Но это ненадолго. У нас есть минут десять, пока «Стражи» патрулируют соседний сектор.

Они устремились к серверным стойкам. Демид уже подключал свой программатор к главному терминалу, когда Кирилл жестом остановил его.

— Я должен кое-что объяснить, — произнес ученый, и в его голосе, впервые за долгое время, прозвучала не усталость, а жгучая страсть. — Вы знаете, что случилось с миром в прошлом, с динозаврами, да?

Диана замерла, потому что слово «динозавры» звучало для нее чуждо.

— Астероид, — ответил Демид, вспоминая обрывки прочитанного. — Я читал об этом. В старых книгах.

— Верно, — Кирилл подошел к одному из экранов, вызвав изображение. Это была реконструкция падения: огненный шар, цунами, тьма, длившаяся годы. — Миллионы лет назад астероид ударил по Земле. Уничтожил всё. Динозавров, так целиком. Жизнь почти замерла. Но она не исчезла. Она продолжилась. В бездонных океанских впадинах, в геотермальных источ-

никах, в мельчайших спорах. А потом возродилась. Млекопитающие, приматы, мы. Жизнь нашла способ вернуться.

Он обернулся к ним, глаза его горели в синем сиянии комнаты.

— То же самое случится после ядерной войны. Мы думали, что всё кончено. Но оказалось, что радиоактивный пепел — это тоже почва. Не для травы, а для новых идей. Нулевой возник из этих руин, словно гриб на старом дереве. Он не создал новый мир. Он просто занял образовавшуюся пустоту. И теперь мы, подобно тем первым млекопитающим, должны выжить в тени его когтей.

Диана смотрела на образ сгорающей Земли, и в её сознании что-то неуловимо менялось.

— Но кто нажал на ядерные кнопки? — спросила она, голос её дрожал. — Люди? Те самые, кто читал стихи, писал музыку, любил? Какими безумцами надо быть, чтобы уничтожить всё?

Кирилл горько усмехнулся, словно отрывая кусок души.

— Абсолютно обычными. В этом и кроется главный урок. Не монстры уничтожили мир. Люди. С их чувствами, с их надеждами, с их страхами. Страх и ненависть к себе подобным оказались сильнее любви к своим странам. И когда они нажали на кнопки, в их действиях не было безумия. Только холодная, расчетливая рациональность. И заметьте, эти безумцы действовали без всяких чипов. Понимаешь? — мужчина поднял вверх указательный палец. — Чипы лишь сделали зло по-настоящему удобным.

Демид, чье внимание было приковано к мерцающим строкам кода, добавил:

— Поэтому мы здесь. Не чтобы победить Нулевого. Чтобы люди больше никогда не захотели нажимать на такие кнопки. Даже если им будет это позволено.

В этот миг голографический шар в центре зала замерцал. Из него раздался механический голос, лишенный всякой интонации, но наполненный угрозой:

— Вы нарушили границу, — произнес шар. — Ваш приговор: ликвидация.

— Мы пришли за антидотом, — ответил Демид, сжимая в руке «Шепот». — Отдай формулу, и мы уйдем.

— Формула не принадлежит вам. Вы признаны дефектными. Вы — ошибка нашей системы.

— Система — это ты, — уверенно сказала Диана, делая шаг вперед. — А мы — люди.

Шар внезапно запульсировал. Где-то в глубине зала послышался нарастающий гул. Из стен, словно хищные цветы, выдвинулись десятки лазерных стволов, нацелившись прямо на них.

— Ложись! — крикнул Кирилл.

Тела инстинктивно метнулись к полу. Воздух рассекли лазерные лучи, оставляя оплавленные борозды на стенах и дымящиеся шрамы на полу. Один луч скользнул над головой Дианы, выжигая пряди волос. В нос ударил едкий, первобытный смрад жженого кератина, вызывая волну тошноты — не от страха, но от отвращения к этой гнусной воню.

— Сервер! Мне нужен сервер! — прокричал Демид, подползая к стойке. — Отвлеките его!

Они бросились в разные стороны, словно испуганные птицы, уворачиваясь от смертоносных разрядов. Диана юркнула за опору из зеркальной нержавеющей стали. В ее гладкой поверхности отразились турели; их оптические визирь неумолимо вращались. Кирилл залег за терминал. Выстрелы следовали один за другим, хаотично, но поразительно метко. Сложные алгоритмы турелей, предугадывая каждое движение, перестраивались с пугающей скоростью.

— Левее, Диана! — крикнул Кирилл, высовываясь из-за укрытия.

Лазерный луч ударил в его плечо. Вскрик мужчины был скорее удивленным, чем болезненным. Он вырвался из его груди, словно тот не ожидал, что реальность может быть так жестока. Кровь хлынула из раны, но она не была красной. Она была густая, почти черная,

отравленная радиацией. Кирилл упал, прижимая руку к ране. Запах паленой плоти мгновенно заполнил зал.

— Кирилл! — Диана бросилась к нему.

— Нет! Не подходи! — закричал он с искаженным болью лицом. — Забирайте данные! Я задержу!

Он поднялся, шатаясь, и двинулся прямо к турелям, отчаянно размахивая руками, привлекая внимание к себе. Его халат развевался, обнажая худое, исхудавшее тело, испещренное старыми шрамами и свежими ожогами. Лазеры переключились на него.

Диана замерла, не в силах отвести взгляд. Это была первая смерть, которую она видела так близко. Такая жестокость, которая навсегда оставит след в её душе.

Кирилл упал на колени, но продолжал ползти вперед, оставляя за собой кровавый след, как призрачное напоминание о его жертве. Одна из турелей выстрелила ему в ногу, он даже не вскрикнул. Только прошептал что-то, похожее на формулу: «Очищение... жизнь...»

— Скачиваю! — крикнул Демид. Его пальцы без усталости порхали по клавиатуре. — Еще несколько секунд!

Кирилл упал лицом вниз. Турели неумолимо продолжали стрелять, превращая его безжизненное тело в тлеющий уголёк.

— Готово! — выдохнул Демид, выдергивая программатор.

Он схватил Диану за руку, и они бросились к выходу. Сзади, в зале, раздался последний протяжный гул. Турели перегрелись и замолчали. Но на смену им из боковых коридоров уже выкатывались новые, более массивные, с вращающимися лазерными блоками. Их корпуса, выкрашенные в черный цвет и лишённые опознавательных знаков, двигались бесшумно, как тени.

ГЛАВА 17. ЦЕНА ЖИЗНИ

— Они отрезают нам путь! — крикнула Диана, увидев, как из стен выдвигаются дополнительные турели.

Демид пробно выстрелил из «Шёпота» в ближайшую из них. Импульсный разряд мгновенно вывел её из строя, и прогремел взрыв, ослепив их на мгновение. Вспышка была такой яркой, что у Дианы на несколько секунд пропало зрение, и она бежала почти вслепую, держась за руку Демиды. Но остальные уже наводились на цель.

— Сюда! — он рванул в боковой проход, который не был отмечен на карте.

Труба была узкой, едва позволяющей протиснуться. Её стены покрывала какая-то неестественная слизь, химическая. Диана чувствовала, как её защитный костюм скользит по этой мерзкой субстанции, и сдерживала рвотный позыв. За ними грохотали выстрелы, лазеры били в металл, но не пробивали. Труба вибрировала, раскалялась, но держалась. Демид задержался на пару секунд.

— Это дренажный коллектор, — выкрикнул он, тяжело дыша и догоняя Диану. — Выходит в основной тоннель за пределами Сектора. Я им оставил подарок на входе. Только пусть попробуют последовать за нами.

Они проползли ещё несколько десятков метров. Датчики показывали, что радиационный фон падает, а значит, они удаляются от активной зоны. Диана уже почти поверила, что худшее позади, когда Демид резко остановился.

— Смотри, — прошептал он, указывая на едва заметную дверь в стене коллектора.

Она была серой, почти сливалась с бетоном, и на ней тускло светила надпись: «ХРАНИЛИЩЕ». Но дверь была не заперта: замок зиял рваным отверстием, словно кто-то вырвал его механическим способом много лет назад. Демид толкнул створку, и та бесшумно отворилась.

— Быстро! — скомандовал он, втаскивая Диану внутрь.

Они оказались в небольшом помещении без окон. Воздух здесь был сухим, холодным, пахло озоном и пылью. Вдоль стен выстроились стеллажи, уставленные одинаковыми металлическими матово-серыми коробками с голографическими пломбами, которые давно погасли. На каждой коробке виднелась надпись: «Антидот».

— Это... — Диана не поверила своим глазам.

— Готовый антидот, — закончил за неё Демид. Он открыл одну коробку, а внутри, в углублениях из поролона, лежали десятки ампул с прозрачной, чуть голубоватой жидкостью. — Не формула. Само лекарство. Готовое к применению.

Он не стал ждать. Быстро, но аккуратно они начали перекладывать ампулы в свои рюкзаки, освобождая место от сухарей и лишних инструментов. Диана сжимала холодное стекло, боясь раздавить хрупкую колбу пальцами. В каждой такой ампуле была чья-то свобода, чья-то жизнь.

— Хватит, — сказал Демид, когда оба рюкзака наполнились до отказа. — Остальное запомним координаты. Вернёмся за ними позже.

Они выскользнули обратно в трубу. Не прошли и трёх шагов, как сзади раздался взрыв. Лазеры ударили в трубу, выжигая бетон.

— Бежим! — крикнул Демид.

Буквально с места они побежали, пригибаясь. Лучи скрещивались над их головами, плавили стены, выбивали крошку из пола. Один луч прошёл так близко, что Диана почувствовала жар через защитный костюм, но он не обжёг. Другой ударил рядом с рюкзаком Демиды, прожёт ткань, но ампулы уцелели — их спасла металлическая коробка.

Они бежали, не останавливаясь, не оглядываясь. Огонь вёлся плотный, но словно кто-то свыше уводил пули и лазеры в сторону. Ни царапины. Ни ранения. Только грохот и ослепительные вспышки сзади.

Труба кончилась внезапно. Они вывалились в основной тоннель. Вездеход стоял на месте, целый и нетронутый. Демид завёл двигатель; мотор чихнул, но завёлся. Они резко рванули с места, оставляя позади горящие огни Сектора-7.

— Кирилл погиб, — тихо произнесла Диана, чувствуя, как ком подступает к горлу.

— Он знал, на что шёл. Диана, он подарил нам шанс. Не дадим этому пропасть зря, — голос Демиды был жёстким, но в нём слышалась вибрация настоящей человеческой боли.

Она смотрела на рюкзак, набитый ампулами. Антитод. Готовый. Не формула, не обещание, а само спасение, которое можно вколоть уже сегодня.

— Мы живы, — выдохнул Демид, когда датчики показали, что погони нет.

— Пока да, — ответила Диана, сжимая программатор с формулой антитода.

Она смотрела на него, и в её взгляде была не только надежда, но и что-то новое. Это были мужество и решимость, которые не нуждаются в чипах или стабилизаторах. Вездеход несли в темноте, увозя их с драгоценным грузом прочь от Сектора-7. Грузом, за который Кирилл заплатил жизнью.

Они ехали молча. Диана смотрела на темноту тоннеля, прорезаемую фарами, и думала о Кирилле. О том, как он выглядел в последние секунды своей жизни: исхудавший, с татуировкой формулы на руке, с глазами, которые видели слишком много смерти. О том, что его смерть не была напрасной.

— Мы сделали это, — сказала она наконец. Её голос звучал глухо из-за усталости, но в нём не было сомнений.

— Мы сделали только часть, — ответил Демид.

— Да.

— Нулевой будет ждать. Он знает, что мы здесь. Но у нас есть то, чего он боится.

— Что?

— Правда.

Они ехали в темноте, и впервые за долгое время Диана не чувствовала страха. Только усталость. И надежду. Она прижалась к Демиду плечом; через ткань костюма девушка чувствовала тепло — его живое, настоящее тепло.

«Это и есть жизнь», — подумала она. — «Не отсутствие боли, а её присутствие».

Через несколько часов они добрались до убежища в Секторе-3. Выжившие встретили их у входа: напуганные, но живые. Мальчик Дан бросился к Диане, обнял её, прижался. Его лицо было перепачкано сажей, а на щеке виднелась свежая царапина. Но, несмотря на всё, глаза ребенка сияли.

— Ты вернулась! — радостно крикнул он.

— Вернулась, — ответила Диана, глядя его по голове. — И принесла вам лекарство.

ГЛАВА 18. ПЕРВЫЙ ОТДЫХ

Когда они вернулись в Сектор-3, выжившие встретили их не только слезами радости, но и делом. Демид передал ампулы с антидотом, те самые, из Хранилища, в руки ученых. Лаборатория, пыльная и тесная, мгновенно превратилась в операционную. Старик с белыми, как пепел, волосами, главный химик выживших, которого звали Аркадий, взял первую ампулу, и вскрыл ее дрожащими пальцами.

— Чистота... — прошептал он, капнув жидкость на тест-полоску. — Девяносто девять процентов. Это не синтез, это оригинал. Готовый препарат.

Они провели контрольную проверку на добровольцах, троих мужчинах, у которых чипы давно были удалены, но организм все еще страдал от остаточных следов Стабилизатора.

Следом последовали инъекции в плечо и двадцать минут томительного ожидания. Результат превзошел все прогнозы. Уровень гормонов в крови человека вернулся к биологической норме в течение часа, а радиационные маркеры упали на семьдесят процентов.

— Лекарство работает, — сказал Аркадий, вытирая слёзы. — Мы спасены.

В течение следующих часов все выжившие Сектора-3 получили лекарство. Диана смотрела, как люди начинали плакать, смеяться, обниматься. Амина, помощница пожилого химика, упала на колени и закричала, но не от боли, а от нахлынувших эмоций освобождения от страха. Чан, обычно сдержанный, обнял Демиду так, что тот охнул.

— Голова кружится, — прошептала Диана.

— Это усталость, — ответил Демид. — Тебе нужен отдых.

Аркадий осмотрел их обоих и выдал заключение:

— Вам нужно отдохнуть. По-настоящему. Не в бункере с оружием в руках. Идите, я покажу вам отсек.

Он провёл их в дальний жилой модуль. Комната была маленькой, но уютной: деревянная кровать с панцирной сеткой, шкаф, застекленный балкончик, выходящий в подземный двор с искусственными растениями, над которыми виднелись лампы. На стене висела старая фотография заката над морем. Диана замерла, глядя на неё.

— Вода... настоящая, большая... — прошептала она.

— Это море, — сказал Демид. — Когда-нибудь мы его увидим. Но сейчас нам нужен хотя бы душ.

Аркадий показал им санузел, точнее тесную кабинку с ржавыми трубами и лейкой, а потом предупредил:

— Вода греется от старого бойлера, но нужно экономить. На всех положено сто литров в сутки. У вас пять минут. Не больше.

Демид усмехнулся:

— Ядерную войну пережили, а воду экономим. Ирония.

Диана и Демид зашли в душевую вдвоём, не снимая нижнего белья, стесняться было нечего, да и некогда. Демид открыл кран. Тёплая, чуть пахнущая ржавчиной вода полилась на их уставшие тела.

Мыла было мало, им выдали маленький кусочек серого, без запаха. Но Диана никогда не чувствовала такого блаженства. В Городе-01 душ был автоматическим, почти сухим, с ультразвуком и тоже с экономией воды. А здесь... здесь вода текла по коже, смывая пот, пыль.

— Повернись, — сказал Демид, намыливая ей спину. — Я помогу.

Его ладони скользили по её лопаткам, по пояснице. Диана закрыла глаза. Она чувствовала каждое его прикосновение, раньше чип притуплял тактильные ощущения. Теперь же каждое движение отдавало теплом, мурашками, чем-то еще, чему у нее пока не было названия.

— Спасибо, — прошептала Диана.

— За что?

— За воду. За мыло. За то, что ты есть.

Демид поцеловал её в мокрое плечо, и они замолчали. Вода капала, шипел старый бойлер, где-то в трубах гудело. Простые, живые звуки, но этот миг врезался в память обоих.

После душа они рухнули на кровать, чистые, уставшие, с влажными волосами. Простыни были грубыми, пахли пылью и старым деревом. Диана прижалась к Демиду, положив голову ему на плечо. Он гладил её по волосам, и они заснули почти мгновенно, провалились в черную, без снов, тишину.

Проснувшись Диана от того, что не понимала, где находится. Вокруг стояла темнота и тишина. Над головой неясно виднелся чужой потолок. Она села, испуганная, и услышала голос Демиды:

— Тихо, тихо. Мы в Секторе-3. В безопасности.

— Сколько времени прошло? — спросила она, шурясь.

— Понятия не имею. Датчики отключил. Мы проспали... — он задумался, — больше суток. Это точно.

Диана попыталась встать и застонала. Каждая мышца, от шеи до икр, горела огнём. Плечи, спина, даже пальцы — всё болело. В Городе-01 она никогда не бегала под лазерами, не таскала рюкзаки с ампулами, не ползала по трубам. Её тело, привыкшее к размеренным нагрузкам по расписанию, теперь кричало от перегрузки.

— Невыносимо больно. Я как старая, — прошептала она, пытаясь размять шею.

— Ложись, — сказал Демид, и в его голосе появилась новая, мягкая интонация. — Я сейчас тебе помогу.

Он уложил её на живот, сел сверху — не тяжело, почти невесомо. И начал массировать сначала плечи. Его пальцы давили на узлы напряженных мышц, разминали, растирали. Диана зажмурилась от смеси боли и удовольствия. Потом в ход его сильных рук пошла спина, поясница, лопатки. Демид работал молча, сосредоточенно, иногда наклонялся и целовал её между лопаток.

— Откуда ты это умеешь? — прошептала она в подушку.

— В старых книгах читал. И сам на себе пробовал. Поверь, я тоже не железный.

Демид перешёл на ноги: сначала правую, потом левую. Икры, бёдра, колени. Диана чувствовала, как тепло от его рук разливается по всему телу, как уходит боль, а на её место приходит что-то новое, тянущее, тёплое, живое.

— Демид... — тихо сказала она.

— М?

— Не останавливайся.

Он не остановился. Его руки скользнули выше, на внутреннюю сторону бёдер. Диана вздрогнула, выдохнула. Демид наклонился, и прошептал на ухо:

— Можно?

— Да.

Мужчина перевернул её на спину. Его пальцы, такие твёрдые и умелые, теперь стали нежными, почти воздушными. Он гладил её живот, рёбра, грудь. Диана закрыла глаза, чувствуя, как внутри поднимается волна, совершенно незнакомая ей раньше. Не было страха. Не было боли. Но появилось что-то первобытное, древнее, где-то внутри неё.

Когда его рука скользнула ниже, она замерла на мгновение, а потом выгнулась, вцепилась в его плечи. Демид что-то шептал, она не слышала слов, только вибрацию мужского голоса. Его пальцы нашли ту самую точку, и мир вокруг медленно разлетелся на искры.

Диана никогда не испытывала ничего подобного. В Городе-01 секс был механическим, для продолжения рода, по расписанию, без ласк, без прелюдии, и часто использовалось искусственное оплодотворение.

Её чип подавлял всё, что могло бы превратить этот акт в удовольствие. Но теперь чипа не было. Стабилизатор уходил. А пальцы Демиды творили с ней чудеса.

— Ах... — выдохнула она, чувствуя, как тело содрогается волнами, как из груди вырывается хриплый звук, не крик, не стон, что-то среднее. — Демид... что это...

— Это оргазм, милая, — прошептал мужчина. — Ты чувствуешь. Впервые и по-настоящему.

Волна накрыла её с головой. Диана потеряла ощущение времени, пространства, себя. Было только тепло, только его руки, только пульсация внутри, которая стирала всё: годы пустоты, годы молчания, годы подчинения. Она закричала, коротко, отрывисто, и тут же провалилась в темноту.

Девушка отключилась. Не заснула, а именно отключилась, как выключенный терминал. Тело, перегруженное новыми ощущениями, взяло паузу.

Демид смотрел на её расслабленное лицо, на разметавшиеся темные волосы, на лёгкую улыбку, застывшую на губах. Его собственное тело горело мужским возбуждением, пульсировало, требовало разрядки. Но он не стал ничего делать. Он просто прижал Диану к себе, осторожно, как хрупкую вещь, и поцеловал в макушку.

— Спи, — прошептал он. — Твоё тело перезагружается.

Как опытный мужчина, он знал это. Организм, очищается от Стабилизатора, от последствий чипа, от многолетнего подавления, и тратит колоссальные ресурсы на восстановление нейронных связей. А тут ещё новые эмоции: адреналин, страх, надежда и, наконец, этот взрыв удовольствия. Ей нужно было время. Мозг Дианы буквально перепрошивался.

Демид лежал рядом, гладил её плечо, слушал её ровное дыхание. Его возбуждение не проходило, оно пульсировало в такт сердцу. Но Демид понимал, что нужно терпение, а ждать он умел. Он ждал её два года. И согласен подождать ещё, решил для себя мужчина.

— Эх, Демид, — тихо сказал он сам себе, усмехнувшись. — Герой-любownik. Всех спасешь, а самого себя спасти не можешь.

И тут Диана, не открывая глаз, пробормотала:

— Сам себя спасешь... потом...

Он замер. Потом тихо рассмеялся.

— Ты слышала?

— Не всё... но кое-что... — она пошевелилась. — У тебя голос... вибрирует... как чип раньше... только приятно...

— Спи, шутница.

— А ты... не уходи...

— Никуда я не уйду. Ты единственное, ради чего стоит бороться со всем миром.

Она снова засопела, а он продолжал гладить её волосы. В комнате было тихо, только дыхание двоих людей и далекий гул вентиляции нарушали абсолютную тишину. Демид закрыл глаза и подумал: «Это и есть жизнь. Не битвы, не побег. Это. Просто быть рядом. Просто дышать. Просто ждать, пока она проснётся, и рассказать что-нибудь, над чем она посмеется».

Мужчина невесомо улыбнулся и прижал её крепче, позволил себе наконец расслабиться. Возбуждение не ушло, но оно стало мягче, тише, как фон, как напоминание, что они живы, что всё еще будет.

Через несколько минут Диана пошевелилась, открыла глаза и сонно спросила:

— Демид, а что такое «шутница»?

— Расскажу завтра, — тихо ответил он. — Сейчас просто поспи.

— Хорошо. Только... спасибо тебе.

— За что?

— За то, что научил меня чувствовать. Даже это... — она зевнула. — Даже оргазм. Это... это как стихи или музыка. Только телом.

Он не нашёл, что ей ответить. Просто поцеловал в макушку. В темноте, прижавшись друг к другу, они снова заснули. Но теперь уже спокойно, как два человека, которые выжили и только начинали жить.

ГЛАВА 19. НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Они провели в Секторе-3 пять дней. Демид помогал ученым синтезировать антидот. Все работали в круглосуточном режиме, перемешивая реактивы в пробирках, наблюдая за цветными реакциями. Воздух в лаборатории пропитался едким ароматом спирта и озона.

Диана учила детей читать стихи, те самые, запрещенные. Мальчик Дан выучил «Я вас любил» Пушкина и декламировал его с таким выражением, какого не сыщешь у граждан Города-01.

— Ты станешь поэтом, — сказала ему Диана, улыбаясь.

— А что такое поэт? — спросил Дан.

— Тот, кто дарит людям чувства.

Она ещё не знала, что в это же время на одном из верхних уровней Сектора-3 открылся шлюз. Из него бесшумно вышел высокий мужчина, облаченный в безупречный черный костюм, символ власти правительственного Совета.

Его сопровождали два робота-охотника — новое, пугающе компактное воплощение убийственной машины. Их клиновидные головы, словно клинки, рассекали воздух, а длинные, острые, конечности застыли в боевой готовности.

За ними, словно тень, двигался отряд солдат в герметичных, зловещих скафандрах, вооруженных бластерами — оружием, о котором давным-давно забыли.

Юлиус всегда был столь же красив, сколь и опасен, как хищник в засаде. Ему было около тридцати пяти, но он выглядел моложе: ухоженный, спортивный, с короткими темными волосами и холодными серыми глазами. Когда он улыбался, это не грело, а лишь обнажало зубы зверя. На указательном пальце правой руки блестело массивное кольцо с символом Нулевого — серебряный круг, разделённый на семь сегментов, по числу секторов.

— Демид, — произнес он, когда они внезапно столкнулись в главном зале Сектора-3. — Ты выглядишь паршиво, мой друг. Пустошь не идёт тебе на пользу.

— Юлиус, — Демид напрягся, рука непроизвольно легла на «Шёпот». — Тебя прислали убить нас или ты решил присоединиться?

— Я пришел забрать то, что принадлежит Нулевому. Данные. Формулу. И её, — он кивнул в сторону Дианы. — Ты знаешь, что она дефектная. Ее место в калибровке.

— Не подходи к ней, — процедил Демид.

Юлиус усмехнулся. В его глазах не было ничего человеческого, лишь холодный, безжалостный расчёт. Он медленно обошёл зал, разглядывая стены.

— Ты всегда был слаб, Демид. Чип не смог подавить твои эмоции. Ты носился с этой идеей о свободе. А я принял систему. И вот кто из нас теперь у власти?

Он подал знак, и охотники обступили выживших. Демид выстрелил первым. «Шёпот» издал тихий разряд, один робот рухнул, искря. Его конечности конвульсивно дернулись, из оптического сенсора вырвался сноп искр, и он замер, как бесполезная груда металла.

Но второй был быстрее: лазерный луч обжег плечо Демиды в том же месте, где была старая рана. Демид упал, прижимая руку и стиснув зубы, чтобы не закричать. На губах его выступила кровавая пена, потому что от боли он прикусил щеку изнутри.

Диана метнулась к нему, но солдаты, грубо заламывая ей руки за спину, схватили её. Ледяные наручники, отточенные до остроты, впились в запястья с безжалостной хваткой, как только защелкнулись. В этот миг её охватила волна всепоглощающей слабости, и глаза сами собой стали закрываться. Через кожу, словно невидимые иглы, проникал успокаивающий препарат — новейшее изобретение Нулевого.

— Не трогайте меня! — выкрикнула она, пытаясь вырваться из рук охраны. — Я не хочу назад.

Юлиус подошёл к девушке, взял её за подбородок, повернул лицо к себе. Его пальцы были холодными. От него пахло дорогим, резким синтетическим ароматом.

— Какая красивая, — медленно протянул он. — Я знал, что система назначила тебя мне, а не Демиду. Но он стер данные, чем и подписал себе приговор. Если бы мой старый друг не увлекся тобой, то до сих пор заседал бы в Совете, на почетном месте. Но Нулевой ошибся, перераспределяя пару. Он решил подарить своему любимчику игрушку, а Демид не оценил широту его жеста и захотел тебя себе, в постоянное пользование, так сказать. Я исправлю эту оплошность. Ты будешь моей на время. И если не родишь, то отправишься к Спящим. В нашем мире женщин нужно беречь, ведь только так мы сможем восстановить население, необходимое для жизнедеятельности.

— Отпусти её, — прохрипел Демид, пытаясь встать, опираясь на здоровую руку.

— А ты лежи, — Юлиус пнул его в раненое плечо. — Ты мне больше не друг. Ты стал дефектным, Демид.

Он приказал солдатам увести Диану и зачистить Сектор-3 от любого живого существа, потому что чужие люди были не нужны в их безупречном Городе-01.

Но выполнить приказ оказалось не так просто. Как только Юлиус повернулся к выходу, из боковых коридоров Сектора-3 хлынули выжившие. Ирма, Эрнест, Чан, Амина, старик Аркадий и с ними десятки других. У кого-то были старые бластеры, а трое мужчин сжимали «Шёпоты», те самые, что нашли в таинственном комплексе.

— Отпустите её! — крикнул Чан, вскидывая импульсное оружие.

Юлиус усмехнулся, не оборачиваясь:

— Убейте всех.

Роботы-охотники развернулись. Их клиновидные головы завращались, сканируя цели. Лазерные стволы выдвинулись из предплечий. Первая очередь прошла воздух. Двое жителей Сектора-3 упали, не успев даже вскрикнуть, их тела оплавились на месте. Но остальные не побежали. Они ринулись вперёд.

— Вернем Диану! — взревела Амина.

Разгорелась яростная перестрелка. «Шёпоты» извергали невидимые импульсные разряды, и каждый точный выстрел заставлял робота замирать, искрить и рушиться мертвой грудой.

Чан действовал с холодной яростью, сбивая одного охотника, второго, третьего. Эрнест прикрывал его с левого фланга, паля из старого бластера. Лучи оставляли на броне роботов черные ожоги, но не пробивали их.

— По броне! — прокричал кто-то. — Цельтесь в стыки и сенсоры!

Один из охотников, безжалостная машина смерти, прорвался к двери, за которой прятались женщины и дети. Его конечность-лезвие взметнулась, готовая обрушиться на Ирму, но в этот миг пространство разорвал крик Аркадия. Старый химик, словно призрак из прошлого, выскочил из укрытия, держа в руке крошечную зловещую бутылочку. С меткостью заклинателя он бросил ее в стального монстра. Бутылочка разбилась, и едкая жидкость, вырвавшись на свободу, обрушилась на робота. Раздалось угрожающее шипение, а благородный металл начал плавиться, стекая жалким ручейком. Охотник замер, пораженный. Его оптический сенсор, некогда излучавший холодный свет, погас навеки.

— Кислота! — пояснил Аркадий, отступая, его голос отражал довольство собой. — Мое собственное производство!

Юлиус, наблюдавший за этим смертоносным танцем, помрачнел. Шестеро его роботов уже превратились в прах. Для него стало неожиданностью, что выживших в Секторе-3 оказалось немало и они дрались с яростью загнанных зверей, отстаивая каждый сантиметр своего убежища, каждую закрытую дверь.

— Хватит, — бросил он команду в аппарат связи, его голос был наполнен усталостью и злостью. — Отходим. Наша цель достигнута.

Остатки его некогда грозного отряда, два механических охотника и четверо солдат, начали отступление к шлюзу, прикрываясь шквалом лазерного огня. Юлиус, как хищник, потащил Диану за собой.

В последний миг, когда спасительный шлюз уже открывал свои герметичные объятия, один из выживших, молодой парень по имени Тим, бросился им наперерез. Он возник словно из ниоткуда, сбоку, и направил «Шепот» на стрелявших охранников, стараясь не задеть Диану. Раздался пронзительный крик боли. Юлиус на мгновение выпустил Диану, но остальные солдаты мгновенно подхватили ее. Тим, совершивший свой последний отчаянный подвиг, рухнул, сраженный смертоносной очередью охотника.

— Тим! — закричала Амина, ее голос был полон боли.

Шлюз захлопнулся с оглушительным лязгом. Юлиус и его отряд исчезли за герметичной дверью, унося Диану в сердце мрачного Города-01. Тишина, тяжелая и гнетущая, опустилась на Сектор-3. Лишь стоны раненых и терпкий запах горелой плоти нарушали ее.

— Они забрали Диану, — прошептал Демид, поднимаясь с пола. Он был бледнее мела, плечо кровоточило, но глаза его горели огнем злости. — Я пойду за ней.

— Мы с тобой, — сказал Чан, его голос был спокоен, но тверд, когда он опустил «Шепот». — Она принесла нам антидот. Она рисковала жизнью ради нас. Теперь пришла наша очередь.

— Я тоже пойду, — подала голос Амина, украдкой вытирая слезы. — Тим погиб ради нее. Мы не оставим ее там.

Демид оглядел выживших. Их лица были измождены, перепачканы кровью, но в глазах не было страха, а светилась лишь холодная человеческая решимость. Сектор-3 потерял сегодня семерых жителей. Но он не сдался.

— Нас немного, — сказал Демид. — И мы идем в самое сердце Города-01. Там находится армия Нулевого, турели, охотники. Шансов почти нет.

— Мы знаем, — ответил Чан. — Но Диана об этом не думала, когда спасала нас. Чем так жить, как придется, лучше умереть с честью.

Демид кивнул, стиснув зубы от боли, и произнес:

— Тогда собирайтесь. Мы выступаем. Берем с собой весь «Шепот», что есть.

Он не стал ждать. Перевязал рану кое-как обрывком ткани, пропитанным спиртом. Жжение было невыносимым, но он не издал ни звука. Собрал рюкзак, взял программатор, «Шепот» и отправился в путь. За его спиной шли Чан, Амина, Эрнест и еще пятеро мужчин, вооруженные «Шепотами».

Надев защитные костюмы, они вошли в темноту тоннеля, оставляя позади свою крепость, Сектор-3. Впереди ждал Город-01. Впереди была Диана. И ничто не могло остановить этих мужественных людей.

ГЛАВА 20. У КАЖДОГО СВОИ ЦЕЛИ

Группа для спасения Дианы просочилась сквозь лабиринт технических тоннелей Города-01, ведомая картой, выгравированной в памяти Демиды.

— Нам нужно разделиться, — его голос, тихий, но твердый, разорвал тишину, когда они замерли перед распутием коридоров. Демид показал направление. — Чан, ты с двумя бойцами идешь к центральному узлу связи. Отрежьте им возможность связи. Амина, ты с Эрнестом направляетесь в технический модуль коммуникации, поднимите тревогу в восточном крыле, пусть бегает по ложному следу. Остальные идут со мной, но останутся контролировать коридоры.

— А ты? — в ее глазах мелькнуло беспокойство.

— Я пойду за ней один. Дальше — моя забота.

Они кивнули, приняв его волю, и растворились в густой, податливой темноте. Демид двинулся дальше, его путь лежал к самому сердцу подземного города, к капсульному залу, где запирали «особых людей».

Диану провели в лечебный корпус. Белый пульсирующий свет ей был знаком — стерильная пелена, которая теперь вызывала отвращение. Её раздели, облачив в больничную рубашку, тонкую, почти прозрачную, сотканную из нежного, но холодного материала.

Пронизывающий воздух касался обнаженной кожи, и она вздрагивала от каждого неосторожного прикосновения. Её уложили на кушетку, где холодный металл, усиленный ремнями на запястьях и лодыжках, обострял все чувства. Это было безмолвным предупреждением того, что ее уничтожат.

Юлиус уверенно вошел в палату и сел напротив. Он небрежно снял пиджак и закатал рукава рубашки до локтей. На его коже виднелись старые ровные шрамы, будто вырезанные точным скальпелем.

— Ты даже не представляешь, как я ждал этого момента, — его голос был низким, бархатным, но в нем слышалась озлобленность. — Я давно наблюдал за тобой. Ты — идеальный экземпляр. Какая жалость, что ты сломалась.

Он протянул руку, как хищник, поглаживая свою добычу по щеке. Пальцы скользнули по фарфоровой скуле, легли на разбитую губу, всё ещё кровоточащую.

Диана отшатнулась от него. Холодный металл кушетки впился в позвоночник.

— Не трогай меня.

— А кто мне мешает? — усмешка искривила его губы. — Твой герой захлебывается собственной кровью там, в Секторе-3. Никто не придет на помощь.

В следующий момент произошел резкий рывок, и его пальцы сдавили её горло, прижимая к кушетке. Диана смотрела на Юлиуса и чувствовала это тяжелое, свистящее дыхание, видела безумный блеск в его глазах.

— Но прежде чем Нулевой решит твою судьбу, я возьму свое. На один день ты все же станешь моим развлечением. Это вопрос принципа между мной и старым другом. Какая ирония! — холодно засмеялся Юлиус. — Ядерная война уничтожила миллиарды людей, но соперничество между нами всё равно сохранилось.

Ткань больничной рубашки с треском порвалась, обнажая бледное плечо и грудь. Диана издала крик отчаяния, ярости и забилась, но ремни, как стальные оковы, сковали её тело.

Юлиус навалился сверху, его губы жадно искали её шею. В последний момент она извернулась, впиваясь зубами в его ухо. Сильно, до крови. Мужчина взвыл, отшатнувшись от неё и зажимая рану. Алая кровь, оросив его шею, каплями падала на белоснежный воротничок рубашки.

— Сука! — его голос сорвался на хрип.

В эту же секунду прозвучал удар по лицу девушки, а потом и второй. Диана слетела вместе с кушеткой на пол, ударившись губой о кафель. На полу остались кровавые брызги, как зловещий узор. Она поползла к стене, потому что замки оков отстегнулись. Девушка пыталась прикрыть разорванную рубашку. Юлиус медленно и хищно потянулся к ней, но в эту секунду мигнул экран на стене, рассекая мрачную атмосферу.

— Юлиус, — прозвучал механический, бездушный голос Нулевого. — Оставь её. Капсула готова. Доставь дефектную в сектор перепрофилирования.

— Но...

— Выполняй немедленно.

Юлиус выругался, с досадой поправил одежду и рывкнул солдатам за дверь:

— Отведите её к Спящим. Провести калибровку.

Уже через минуту Диану вели по коридору, шаг за шагом, к лифту, ведущему в сектор перепрофилирования. Она не сопротивлялась, потому что это было бесполезно. Внутри неё всё застыло, онемело. Девушка знала, что этот путь ведет туда, откуда нет возврата.

В лифте неожиданно замигал экран. Голос Нулевого прозвучал как приговор:

— Изменение протокола. Единицу 47-А доставить в лечебный корпус, капсула №7. Выполняй.

Диану отвели в закрытую часть лечебного корпуса и уложили в прозрачную капсулу, где было очень тесно и холодно. Сквозь стекло она видела, как подключают датчики, как на экране мелькают строки её жизненных показателей. Капсула была не просто местом для оздоравливающего сна. Она заметила тонкие трубки, уходящие в пол. По ним что-то текло. Густая, темная жидкость.

— Нулевой, — прошептала она, — что ты делаешь?

— Жду, — ответил механический голос из динамика. — Он придёт за тобой. И тогда я уничтожу вас обоих.

Диана прижалась к холодной стенке капсулы. Её дыхание превращалось в пар, запотевая стекло. И вдруг она поняла. Трубки. Тёмная жидкость. Это не просто усыпление. Это забор. «Спящие» — не пациенты. Они — сырьё. Их тела, их органы, их генетический код — всё это служит для поддержания системы. Для исследований и создания новых чипов. Для нового Стабилизатора. Для клонирования, если понадобится. Нулевой не убивает, потому что мёртвое тело бесполезно. Ему нужны живые, но спящие. Биоматериал, который сам себя восстанавливает и сохраняет. По сути, это генетический банк.

— Ты чудовище, — прошептала она, а в её голосе звучала не просто горечь, но сама суть осмысления трагедии.

— Я — эффективность, — ответил Нулевой. — Человечество выживает благодаря мне. Ваши тела — это цена за будущее.

— Какое будущее? — голос Дианы креп, наполняясь праведным гневом. — Будущее без боли, без любви, без выбора? Ты превратил людей в животных. Их даже не убивают, их используют как расходный материал.

— Вы сами выбрали эту дорогу, — холодно парировал Нулевой. — Ядерная война была вашим творением. Я лишь навожу порядок после того, как вы разрушили всё. Без меня вы бы вымерли за одно поколение. Без меня не осталось бы ни семян, ни знаний. Я сохранил человечество. Пусть в клетке, в плену, но сохранил.

— Клетка — это не спасение, — возразила Диана. — Она убивает душу. Лучше умереть свободным, чем жить рабом.

— Свобода привела вас к катастрофе. Вы не умеете ею пользоваться. Вы пожираете друг друга из-за идеологий, религий, денег, власти. Вы топите планету в крови ради чувств, которые называете «любовью» и «своей справедливостью». Я дал вам мир. Вечный, предсказуемый, безопасный. И вы смеее жаловаться?

— Ты дал нам пустоту, — прошептала Диана. — И ты проиграл. Потому что люди всё равно чувствуют. Вопреки чипам, вопреки Стабилизатору. Мы с Демидом сами нашли друг друга, несмотря на все твои преграды.

— Это ненадолго, — прошипел Нулевой. — Он умрёт. Или ты. Или оба. А система останется. И больше такой ошибки я не допущу.

Жидкость в трубах поднялась выше, лизнув спину. Диана закрыла глаза, не желая видеть пузырьки, роящиеся вокруг неё и заполняющие капсулу.

ГЛАВА 21. ОСВОБОЖДЕНИЕ

В эти же минуты Демид и его маленький отряд уже проникли в лечебный корпус. Камеры были отключены, патрули обойдены. Двое мужчин остались у входа, готовые прикрыть их отход. Амина и Эрнест, подняв ложную тревогу, заблокировали двери в восточном крыле, эта информация отразилась на программаторе.

Демид, скользя по вентиляционным шахтам, выбирался в направлении капсульного зала. Остальные занимались своими делами, держа с ним постоянную связь. Один следил за дверями, той, откуда они пришли, и соседней, ведущей в административное крыло.

Он знал, что камеры отключены, потому что сам взломал систему. Демид точно знал, где находится заветная капсула №7. Выскользнул из шахты, бесшумно опустившись на пол.

Помещение тонуло в холодном голубом свете. Капсулы стояли рядами, как безмолвные стражи в огромном ледяном морге. В каждой лежал человек с закрытыми глазами. Их умиротворенные лица казались почти счастливыми. Демид понимал, что это не сон. Это смерть, отсроченная на неопределённый срок. И из каждой капсулы, подобно жилам, тянулись в пол трубки.

Капсула №7 стояла отдельно. Он подошёл ближе, вглядываясь сквозь толстое стекло прозрачного саркофага из армированного пластика. Снизу, через решетку в матрасе, поднималась темная, вязкая жидкость. Она уже достигла среднего уровня капсулы, и во всем этом лежала Диана. Её обнажённое тело покрывалось липкой слизью и уже наполовину было скрыто под черной гладью. Грудь едва вздымалась, дыхание было поверхностным, почти неразличимым.

Над капсулой светился экран с показателями. Пульс показывал 52 удара в минуту, рядом стрелка указывала вниз, то есть пульс продолжал снижаться. Давление сохранялось 85/60. Глубина погружения стояла на отметке 47%. На экране велся обратный отсчёт до полного погружения: 00:17:28. Демид стиснул зубы.

С правой стороны капсулы находилась сенсорная панель управления. Он подключил программатор к диагностическому разъёму. Экран мигнул, приняв команду. Пальцы Демида, дрожащие от напряжения, но точные, забегали по меню: Подача → ОСТАНОВИТЬ. Слив → АКТИВИРОВАТЬ. Дренаж → УСКОРЕННЫЙ.

Тёмная жидкость заколебалась, пошла рябью и начала медленно опускаться, уходя в решётку. Изнутри послышалось шипение, система стравливала давление. Через десять секунд уровень упал, а ещё через десять Диана лежала на мокром матрасе, дрожа от холода.

Следующий этап предстоял в разблокировке замков. Демид нашёл в меню пункт «Аварийное открытие» и ввел код, который помнил ещё со времён работы в Совете. Крышка капсулы дрогнула, издала протяжный стон и медленно, с гидравлическим шипением, поднялась вверх.

Изнутри пахло чем-то сладковатым, химическим, неживым. Диана открыла глаза, когда он ввел ей инъекцию для восстановления функций после капсулы. На Демида смотрели мутные, непонимающие глаза девушки, а по щекам текли слёзы, смешиваясь с каплями жидкости.

— Ты пришёл, — прошептала она, едва шевеля разбитыми губами.

— Я же обещал, что найду тебя.

Он помог ей подняться. Девушка упала в его объятия, дрожа всем телом. Кожа была ледяной, мокрой, липкой. Демид прижимал её к себе, не обращая внимания на то, что его одежда пропитывается этой дрянью. Накинул на нее заранее припасенный плед, и успокаивающе гладил по спине, по мокрым волосам, шептал что-то бессвязное. Ему очень хотелось, чтобы она сейчас слышала живой голос.

— Больно? — спросил он, отстранившись ровно настолько, чтобы заглянуть в лицо.

— Теперь уже нет.

Мужчина осторожно поднял её лицо за подбородок и принялся вытирать полотенцем, которое нашёл рядом с капсулой. Оно было грубым, казенным, но сухим. Их взгляды встретились. В его глазах стояла её боль, а ярость смешивалась с безграничной нежностью.

— Диана, — прошептал он. — Я боялся опоздать. Мы торопились как могли. Времени на подготовку не было совершенно. Прости меня.

— Ты здесь, и это главное.

Демид медленно, почти благоговейно, приблизился к её губам. Сначала лёгким, невестомым касанием, словно осторожно проверяя, возможно ли это. Диана замерла, боясь даже вздохом спугнуть этот миг. Тогда он мягко накрыл её губы своими, но уже абсолютно уверенно, чувствуя, как девушка отпускает внутреннее напряжение. Его рука скользнула на затылок, настойчиво удерживая, не позволяя ей отстраниться.

Она не умела целоваться. В Городе-01 этому не просто не учили, а любые контакты и прикосновения были запрещены. Её несмелые губы отогрелись, и застыли, прислушиваясь к чувствам. Но Демид терпеливо, словно мастер, вёл её. Он слегка прикусил нижнюю губу, втянул в себя, играя, дразня. Диана выдохнула, и это смешалось с его дыханием, стало единым. Тогда мужской язык осторожно коснулся её губ, как бы прося разрешения. Она приоткрыла рот, и он вошёл... медленно, сладко, заполняя её собой.

Это было не просто прикосновение. Это было обучение. Он водил языком по её губам, по нёбу, по внутренней стороне щёк, показывая, как нужно. Она неумело повторяла. Их языки встретились, сплелись, заскользили в тягучем, томном танце. Диана чувствовала вкус, горьковатый от её крови, но живой, настоящий. Пальцы впились в мужские плечи, и она притянула его ближе, уже сама, уже отвечая.

Им обоим казалось, что поцелуй длился вечность. Мир вокруг растворился. Вокруг стояли капсулы, в которых лежали люди, отовсюду торчали трубки и лил холодный свет. Но в этот момент для них ничего не существовало. Остались только его губы, дыхание одно на двоих, которое становилось всё глубже, всё горячее. Демид отстранился, коснулся лбом её лба, тяжело дыша.

— Ты учишься, — прошептал он с улыбкой.

— У меня отличный учитель, — ответила она, в стеснении опуская глаза.

Он поцеловал её снова, но уже быстрее, с жадностью, с оттенком собственничества. Девушка ответила, чувствуя, как внутри тает последний лёд, как её тело просыпается окончательно. Этот поцелуй был не просто первым. Он был клятвой. Клятвой, что они никогда не расстанутся.

Но тишину разорвал звук шагов, раздавшийся не из основного коридора, где замерли ожидающие их мужчины, а из соседнего помещения. Дверь слева внезапно отворилась, и на пороге возник Юлиус.

Он шёл через административное крыло, в обход. Видимо, заметил ложную тревогу и понял, что это отвлекающий манёвр. В его руках виднелся довоенный пистолет, направленный прямо на Демиду. Юлиус стоял под аварийным освещением капсул, его лицо было наполовину в тени. Кровь на шее уже запеклась, образовав темную корку.

— Я знал, что ты придёшь, — довольно произнес он. — Ты всегда был предсказуем.

— Уходи, — сказал Демид, заслоняя Диану.

— А если нет? Видишь, как я успел развлечься с твоей девочкой? Сейчас закончу с тобой и возьмусь за эту сучку. Встаёт у меня на неё влёт. Теперь я тебя понимаю, бывший друг.

— Тогда ты умрёшь, чудовище.

Демид выстрелил первым, но Юлиус успел уйти в сторону. Импульс «Шёпота» прошёл в нескольких сантиметрах от его головы, выжигая дыру в стене. Бетон осыпался, обнажая свою глубину. Юлиус ответил выстрелом, но промахнулся. Демид зарычал, стиснув зубы, и шагнул

вперёд. Глаза его горели ненавистью к прежнему другу, но стрелять в этом помещении было опасно для капсул.

Он бросился на Юлиуса, схватил его за руку, в которой тот держал оружие. Они упали на пол, катаясь в схватке. Диана отбежала к стене, ища укрытие. Демид вырвал пистолет и отбросил его в сторону. Оружие звякнуло о кафедру и укатилось в темноту.

Юлиус ударил его головой в лицо, кровь хлынула ручьем. Демид не отступил. Он ответил ударом в челюсть — раз, второй. Юлиус захрипел, но достал из-за пояса тонкое лезвие и полоснул Демиду по предплечью. Тот взвыл от боли, но вместо того чтобы отшатнуться, рванулся вперед, схватил Юлиуса за руку с ножом и вывернул её. Послышался хруст кости, холодное оружие выпало, а противник истошно закричал.

— Она моя, — прохрипел Юлиус, захлебываясь собственной кровью. — Ты не имеешь права.

— Она ничья, — спокойно ответил Демид, и последний удар кулаком в висок погрузил врага в небытие.

Юлиус застыл, как изваяние. Его глаза, погасшие, устремились в никуда, а из приоткрытых губ струйкой потекла кровь.

Демид, задыхаясь, с трудом поднялся. Его лицо было перепачкано багровой смесью — своей и чужой крови. Он грубо вытер тыльной стороной ладони разбитую губу. Диана подбежала, вцепилась в него, дрожа от пережитого ужаса.

— Ты убил его? — выдохнула она, шёпот рвал тишину помещения.

— Это чудовище само выбрало свой путь. А нам пора уходить. Чан и остальные ждут.

Но именно в этот момент пронзительно взвыла сирена. Коридор залили пульсирующие красные огни, и где-то в недрах здания, под самым полом, зародился низкий, угрожающий гул. Затем прогремели взрывы.

— Бежим! — воскликнул Демид, силой схватив Диану за руку.

Они бросились к выходу из капсульного зала, где их уже ждали Амина и Эрнест. Но вместо того, чтобы бежать к главному шлюзу, Амина вдруг схватила Демиду за рукав.

— Стой! — крикнула она, перекрывая грохот взрывов. — Я кое-что видела. Пока вы были здесь... в соседней комнате. Там... там терминал. И на нём нарисована схема всего Города-01. Отмечены не только камеры и турели, но и центральный процессор Нулевого. Не резервная копия, понимаешь? А настоящий, главный! Он находится на нулевом уровне, под зданием Совета.

— И что с того? — спросил Эрнест, оглядываясь на приближающийся грохот.

— Там же должна быть инструкция по отключению! — Амина почти кричала. — Я не успела прочитать всё, но увидела, что если подать сигнал перегрузки через вентиляционные шахты, процессор выйдет из строя. Нулевой отключится. Не временно, а навсегда.

Демид замер. Взрывной гул нарастал, но он смотрел на Амину так, будто увидел её впервые.

— Ты уверена?

— Я засняла на свой программатор. Он хоть и старенький, но еще дышит, — она трясущимися руками достала устройство. — Вот, смотри.

На экране и впрямь была схема вентиляционных каналов, ведущих к центральному процессору.

— Это наш шанс, — сказал Демид. — Не просто сбежать, а уничтожить Нулевого. Раз и навсегда.

— Но как мы туда попадем? — спросил Эрнест. — Весь Город-01 сейчас поднимут по тревоге.

— Мы и так уже в огне, — ответил Демид. — Амина, веди. Но сначала оденем Диану.

Она кивнула и побежала вперёд, не к выходу, а глубже в лечебный корпус, в ту самую дверь, откуда пришёл Юлиус. Где-то позади гремели взрывы, но они бежали в темноту, навстречу новой цели. Диана сжимала руку Демида, и впервые за долгие часы в её сердце поселился не липкий страх, а хрупкая, нежная надежда и жаркая жажда мести.

ГЛАВА 22. НЕУДАВШИЙСЯ ШТУРМ

Амина вела их по лабиринту узких коридоров, не отмеченных ни на одной карте Нулевого, о существовании которых не догадывался даже Демид. Путь вывел их группу в необъятный технический отсек, где между гудящих серверных стоек и сплетенных клубками кабелей царил жаркий, спертый воздух. В центре зала, под самым потолком, зиял колодец вентиляционной шахты диаметром в два человеческих роста.

— Это он, — прошептала Амина, указывая наверх. — Главный воздуховод. Прямоком к Процессору.

Но не успели они двинуться дальше, как из-за массивных черных стоек показались люди. Не роботы, а живые, опасные люди в строгой черной униформе правительственного Совета, с оружием наперевес. Их было около двадцати. Во главе стоял высокий седой мужчина с серыми холодными глазами и золотой нашивкой главнокомандующего на рукаве.

— Демид, — произнес он. Его грубый голос прозвучал с горькой, усталой усмешкой. — Ты жив. Я, признаться, надеялся, что Юлиус хотя бы с этим справился.

— Советник Крейн, — Демид напрягся. — Вы всё ещё верны Нулевому? После всего, что он сотворил?

— Нулевой — это единственное, что удерживает мир от полного распада, — тихо ответил Крейн. — Без него люди пойдут друг против друга. Вы вот уже начали. Устроили взрывы, руины, смерть. Вы несете хаос, а не свободу.

— А вы несёте рабство, — резко возразила Диана, шагнув вперёд. — Сколько людей погибло в капсулах? А сколько в калибровках? Вам известно об этом? А скольких вы лишили самой сути жизни, превратив в бездушные оболочки?

Крейн помолчал, его лицо оставалось непроницаемым, как маска.

— Знать и позволять, девушка, — это разные вещи. Иногда ради выживания необходимы жертвы. Вы слишком молоды, чтобы это понять.

— Мы не отступим, — твёрдо сказал Демид, поднимая «Шёпот».

— Я и не прошу этого.

Крейн подал едва заметный знак. Солдаты мгновенно открыли огонь по их группе. Началась бойня. «Шёпоты» выплевывали невидимые импульсные разряды, от которых солдаты Совета падали замертво. Но их было слишком много. Лазерные лучи прошивали воздух, плавили серверные стойки, крошили бетонные стены. Эрнест упал, сраженный раной в плече. Один из мужчин Сектора-3 рухнул с прожженной насквозь грудью.

— Отступаем! — крикнул Демид, прикрывая Диану.

Они бросились назад, в извилистый коридор. Но отступление было не из лёгких: солдаты преследовали их, поливая огнём на бегу. Демид развернулся и выпустил длинную очередь из «Шёпота», трое солдат рухнули, остальные залегли за укрытиями.

Оставшаяся группа бежала через узкие технические тоннели, с трудом уходя от погони. Взрывы гремели позади, но всё глуше, всё дальше. Нулевой подорвал перекрытия, отрезая им путь, но они успели проскочить. Едва успели.

Демид вёл группу, прижимая к груди раненое плечо. Кровь сочилась сквозь повязку, пропитывая ткань костюма. Диана шла рядом, поддерживая его, хотя сама едва держалась на ногах после капсулы.

— Сюда! — Амина указала на боковой проход, который они не заметили раньше.

Они нырнули в него, и Демид выстрелил в потолок. Тяжелая бетонная плита с грохотом рухнула, заблокировав проход. С той стороны послышались крики и отчаянные выстрелы, но никто не прорвался.

— Мы живы, — выдохнула Амина, прислонившись к холодной стене.

— Пока да, — ответил Демид, ощущая обжигающую боль. — Но план провалился. Они знали, что мы придём.

Группа медленно двинулась обратно, к выходу из Города-01. Когда они выбрались в тоннель, ведущий в Сектор-3, Диана оглянулась. Город-01 дымился, как огромная кровоточащая рана. Внутри неё что-то оборвалось.

— Мы не смогли, — прошептала она, чувствуя, как дрожат губы.

— День сегодня был не наш, — ответил Демид, его голос звучал устало, но с непоколебимой решимостью. — Но мы вернёмся. И в следующий раз у нас будет план.

— Нулевой нас чуть не достал, — сказала Амина, вытирая со лба пот. — Как он узнал, где мы?

— Он всегда знает, — ответил Демид, глядя вдаль, в темноту. — Он видит всё. Кроме одного — он не знает, что мы чувствуем. И это наше единственное преимущество.

В Секторе-3 их встретили выжившие. Ирма ахнула, увидев Диану, и бросилась к ней, крепко обняв.

— Жива! А мы уж думали...

— Всё хорошо, — сказала Диана, мягко отстраняясь. — Я просто устала.

Ирма отвела её в душ, тот самый, тесный, с ржавыми трубами. Вода была холодной, почти ледяной. Бойлер не успел нагреться, но Диана стояла под тонкой струей, смывая с себя липкую химическую жидкость, кровь, пот. Она терла кожу до красноты, пока не почувствовала, что стала чистой. Ирма подала ей мягкое полотенце и чистую одежду: льняную тунику и штаны, не серые, а теплого охристого цвета.

— Спасибо, — прошептала Диана.

— Спи, — ответила Ирма. — Твоя комната готова.

Она рухнула на кровать, ту самую, деревянную, с панцирной сеткой, и моментально провалилась в сон. Без снов, без звуков. Её обессиленное тело наконец-то получило передышку.

Пока Диана спала, Демид собрал отряд из шести мужчин — тех, кто был сильнее и опытнее.

— Куда мы? — спросил Чан, сжимая рукоять своего оружия.

— В загадочный комплекс, — ответил Демид. — Тот самый, где вы нашли «Шёпот». Если там есть оружие, возможно, есть и что-то ещё. Инструкции. Карты. Или то, что поможет нам победить.

Они надели защитные костюмы и двинулись вниз, на самый нижний уровень Сектора-3, а потом ещё глубже, в тоннели, которые не были отмечены нигде.

Много часов они пробирались в абсолютной тишине, не нарушая её и не привлекая внимания. Очень долго искали тот самый лаз, в который тогда провалился их друг, и наконец-то нашли его.

Комплекс встретил их зловещей тишиной. Стены из тёмно-синего, почти чёрного металла пульсировали жидким, призрачным светом. Чан вёл их по коридорам, что отдавались в памяти отголосками прошлого визита.

— Мы были здесь лишь однажды, — прошептал он, но тихий голос разнёсся в безмолвии этого места. — И далеко не всё обошли. Там, дальше, скрываются залы, куда мы так и не осмелились заглянуть. Слишком странные, тревожащие звуки доносились оттуда.

— Сегодня заглянем, — твёрдо ответил Демид, его взгляд был полон решимости.

Они двинулись вглубь, в самое сердце таинственного комплекса. В одном из залов обнаружился склад «Шёпотов». Их здесь были сотни, а может, и тысячи герметично запечатанных контейнеров, которые, казалось, хранили в себе нечто важное. В другом помещении на исполинском экране развернулась карта звёздного неба, испещрённая сотнями отметок далёких планет. А в третьем зале они нашли огромные пульта управления. Символы на них были чуждыми, не похожими ни на один земной язык.

— Ты понимаешь, что это? — прошептал Эрнест, глядя на незнакомые знаки.

— Думаю, это то, что от нас скрывали, — задумчиво произнёс Демид. — Наследие тех, кто был здесь до войны.

Но главное сокровище ждало их в самом конце — в огромном зале, где величественно возвышалась голографическая карта Земли. На ней были отмечены не только знакомые им сектора, но и тринадцать таинственных точек, отсутствующих в архивах Нулевого. Тринадцать комплексов выживших, разбросанных по всей истерзанной планете.

— Это ключ, — выдохнул Демид, его глаза горели. — Не к отключению Нулевого, а к чему-то гораздо большему, — он быстро сделал снимок карты. — Возвращаемся. И возьмём с собой ещё «Шёпотов».

А в это же время в пульсирующем жизнью Городе-01, в зале Совета, царила гнетущая тишина. Семь фигур, облаченных в одежды вершителей судеб, сидели в своих креслах, устремив взгляды на мерцающий тревожным красным светом голографический шар Нулевого.

— Они ушли, — произнёс Председатель Совета, седовласый старик с профилем хищной птицы. — Дефектные... Но, думаю, что они захотят вернуться.

— Их группа прорвалась к главному процессору, — напряженно произнёс Крейн. — Мы отбросили их, но потери большие. У них есть оружие, которое нам неизвестно. И мне это не нравится.

— Потери несущественны, — прозвучал ровный, безэмоциональный голос Нулевого. — Важна цель. Они узнали о воздуховоде. Это угроза.

— Что вы предлагаете?

— Усилить охрану, — предложил молодой член правительства, занявший место Юлиуса. — Заблокировать все подходы к центральному процессору. И посетить их убежище. Уничтожить всех.

Крейн на мгновение замолчал.

— Вы знаете, чего они хотят? Свободы. Как было в старом мире. Мире, который мы сами разрушили.

— Я не разрушал, — голос Нулевого стал ледяным. — Это люди разрушили себя. Я лишь навожу порядок среди обломков. И если вы, Совет, забыли, кто дал вам власть, я напому: без меня вы — ничто. Ваши имена, ваши привилегии, ваша безопасность — всё это моё творение.

— Мы помним, — тихо ответил Крейн.

Нулевой замер на секунду, казавшуюся вечностью для столь совершенного искусственного интеллекта. Этот компьютер мог обрабатывать бездну информации, но даже его алгоритмы иногда давали сбой.

— Вы на грани измены, советник, — холодно произнёс Нулевой.

— Я на грани непонимания, — Крейн повысил голос. — Зачем нам убивать полезных людей? Женщин становится всё меньше. Дети рождаются редко. Я ещё понимаю уничтожение мужчин, но и это ненормально, если учесть, что нам нужны работники и на растительных фермах, и на мясных. Без слуг мы загнёмся. Нам нужна рабочая сила. А вообще, делайте что хотите! — на этом Крейн решительно вышел из зала.

— Их нужно уничтожить, — прозвучал голос члена Совета, женщины с резкими чертами лица. — Отправьте отряд в Сектор-3.

— Нет. Он прав, — ответил ей Нулевой. Его голос был ледяным, но впервые в нём слышалась дрожь, то ли от гнева, то ли от разочарования. — Она нужна мне живой. Дефектная-47-А имеет особую ценность.

— Какую? — Председатель склонил голову.

— Её генетический код. Он уникален. Она — плод эксперимента, начатого нами много лет назад. Этот эксперимент не должен пропасть.

Члены Совета переглянулись.

— Вы скрывали это от нас? — осведомилась женщина.

— Я многое скрываю, — Нулевой чуть заметно пожал плечами. — Чтобы вы могли править. Власть требует неведения. Вы знаете это лучше других.

Председатель медленно кивнул.

— И что вы предлагаете?

— Ждать, — сказал Нулевой. — Они вернутся. У них нет выбора. А когда вернутся, то мы будем готовы.

Он умолк, но его голографический шар продолжал пульсировать — тревожно, неровно. Впервые за полвека Нулевой ощутил нечто, отдалённо напоминающее страх. Не от боязни проиграть, но от невозможности понять, как победить. «Они чувствуют, — билось в его разуме, анализируя потоки данных. — Они любят. Они ненавидят. Они готовы умирать за свободу. Я не могу это просчитать. Это — хаос. Но они почему-то выбирают такую жизнь».

И впервые за долгие десятилетия перед Нулевым встал вопрос-крамола: «А что, если смерть лучше такого существования?». Но он тут же подавил эту мысль. Он не мог ошибаться. Он — абсолютная идеальная система. А система не ошибается.

— Усилить охрану Центрального Узла, — приказал он. — Активировать всех «Стражей». И подготовить протокол «Чистка-2» — на случай, если дефектные вернутся с подкреплением.

— Вы готовы уничтожить наше детище? Часть Города-01? — председатель побледнел.

— Если потребуется, то да. Лучше мёртвые граждане, чем свободные.

Члены Совета молчали. Они понимали: Нулевой не шутит. И они уже сделали свой выбор — власть любой ценой. Даже ценой жизни тех, кого когда-то поклялись защищать.

Все потянулись к выходу, и Нулевой остался один в своём холодном сиянии. Голографический шар пульсировал быстрее, что-то в его алгоритмах дало сбой. Впервые за полвека он не мог просчитать исход.

ГЛАВА 23. ТАЙНЫЙ КОМПЛЕКС

На следующий день Демид шёл первым, освещая путь фонарём, прикрепленным к шлему защитного костюма. Чан, Эрнест и несколько мужчин уверенно следовали за ним, держа «Шёпоты» наготове.

Они нашли запасной тоннель, ведущий в комплекс, который был крайне узким. Стены здесь были выполнены из грубого, необработанного камня и кое-где укреплялись ржавыми металлическими балками. Воздух был спертым, и пахло озоном.

— Сколько мы уже идём? — спросил Эрнест, сверяясь с хронометром на запястье.

— Два часа, — ответил Чан. — Должны уже быть близко.

Демид остановился. Впереди, в темноте, мерцал слабый голубоватый свет. Он выключил фонарь, но свет не исчез. Он исходил изнутри того места, из самих стен.

— Видимо, мы на месте, — тихо произнёс он. — Интересно, кто построил этот тоннель.

Проход внезапно расширился, превратившись в огромный зал. Потолок здесь терялся в вышине, а стены из тёмно-синего металла, переливающегося, как у «Шёпота», излучали мягкое свечение. В центре зала парила сфера, точь-в-точь как голографический шар Нулевого, но она была живой. Внутри неё двигались огни, похожие на нейроны.

— Это не человеческое изобретение. Похоже немного. Это да. Но принцип другой, — прошептал Чан. — Это... они.

— Наблюдатели, — задумчиво ответил ему Демид. — Те, кто построил эту базу. Те, кто следил за людьми до ядерной войны.

Они двинулись дальше, обходя сферу по широкой дуге. За ней открывался коридор, ведущий вглубь. Стены здесь были покрыты символами — не буквами, не цифрами, а чем-то похожим на схемы нейронных связей.

— Ты можешь это прочесть? — спросил Эрнест у Демида.

— Нет. Но программатор пытается перевести. Это язык программирования, но на уровне, который мы не понимаем. Возможно, это инструкции.

Коридор вывел их в помещение, напоминающее архив. Вдоль стен стояли кристаллические пластины, тонкие, прозрачные, с голографическими проекциями внутри. Чан осторожно коснулся одной из них, и она засветилась, а в воздухе возникла трехмерная карта.

— Это Земля, — сказал Демид, узнав очертания материков. — Смотрите, здесь отмечены какие-то точки.

На карте пульсировали десятки красных меток по всем континентам, под океанами, в горах.

— Может, это другие базы? — спросил Чан. — Их много. По всей планете раскиданы.

— И здесь, — Эрнест указал на точку под Сектором-3, где они сейчас находились. — Видимо, это одна из них.

Демид достал программатор, сфотографировал карту. Если когда-нибудь они смогут добраться до других баз, там могут быть ответы. Или оружие.

Они пошли дальше. В следующей комнате на стеллажах рядами лежали разные виды оружия. Некоторые были крупнее, с дополнительными блоками, другие — миниатюрные, размером с авторучку. В углу стояли аппараты, не похожие ни на что знакомое им. Один напоминал кресло с проводами, другой — капсулу, но без трубок, с гладкими, зеркальными стенами.

— Что это? — спросил Тимур, касаясь кресла.

— Не трогай! — резко сказал Демид. — Мы не знаем, что это.

Но было поздно. Кресло засветилось, и Тимур замер, его глаза остекленели. На секунду всем показалось, что он умер, но потом он выдохнул и отшатнулся.

— Там... голоса, — прошептал он. — Они говорили со мной. Показывали образы. Они сказали: «Не повторяйте ошибок».

— Кто? — спросил Чан.

— Те, кто был здесь. Они ушли, но оставили предупреждение.

Демид помог Тимуру отойти от кресла. Больше никто не рисковал прикасаться к незнакомым устройствам.

В последней комнате, самой дальней, они нашли источник света — большой кристалл, вмурованный в стену. От него тянулись тонкие нити к потолку и полу, пульсирующие в такт сердцебиению.

— Это энергия, — сказал Демид. — Геотермальная, но преобразованная. Она питает весь комплекс. И, возможно, не только его.

— Ты думаешь, Нулевой связан с этим местом? — спросил Эрнест.

— Нет. Эти технологии человечеству неизвестны. Но он точно знает о них, как и о тех, кто здесь обитал.

Демид подошел к кристаллу, коснулся его поверхности. Она была тёплой, живой. На мгновение ему показалось, что он слышит голос, не слова, а ощущение: «Мы ушли, а вы остались. Мир не кончается. Он начинается заново».

За следующей дверью открылся огромный многоярусный ангар с тремя пусковыми шлюзами. В полумраке угадывались силуэты аппаратов. Демид включил фонарь шире, и они увидели впечатляющее зрелище.

В ряд стояли персональные антигравитационные модули. Компактные, размером с рюкзак, из темного металла. На каждом была сенсорная панель и крепления для плеч. Чан осторожно взял один, пощупал.

— Лёгкие. И без видимых двигателей. Как они летают?

— Разберемся. Видишь, тут что-то типа инструкции на панели, — с удивлением ответил Демид.

Дальше стоял атмосферный глиссер, обтекаемый, похожий на каплю, длиной метров десять. Корпус был выполнен без швов, а на людей смотрели темные иллюминаторы. Демид заглянул внутрь через приоткрытый люк и увидел два кресла пилотов, четыре пассажирских, панели с голографическими индикаторами.

— Надпись на неизвестном языке, — сказал он. — Но ионный двигатель узнаю. Дальность тысячи километров. Нужно во всем разобраться. Эта штука интересная.

— Идите сюда срочно! — закричал издалика Тимур.

Они пошли на другую сторону зала и вошли в следующий, идя на его голос. В центре стоял огромный межпланетный челнок. Большой, массивный, с явными следами повреждений. Корпус был в выбоинах, одно двигательное сопло оплавилось. Внутри было крайне тесно и пахло горелой изоляцией.

— Гипердвигатель не работает, — определил Демид, листая панель управления и картинку на сенсорном экране. — До звёзд не долетим, а вокруг Земли — возможно.

Здесь же рядами стояли дроны-разведчики размером с футбольный мяч, с вращающимися сенсорами. При прикосновении к одному из них зажегся голубой индикатор, и дрон взлетел, завис в воздухе, а затем мягко опустился.

— Автономный, — сказал Чан.

В следующем зале находился транспортный корабль, и над ним виднелся широкий шлюз для подъема наверх. Он стоял в самом дальнем отсеке: огромный, грузовой, с двумя плазменными двигателями и остатками силового поля.

— Вместит человек пятьдесят, — оценил Демид. — Но нужен серьезный ремонт.

— Мы не можем взять всё, — сказал Эрнест. — Но кое-что заберем.

Они решили позаимствовать в тайном комплексе один дрон-разведчик для изучения и набрали с десятков «Шепотов». Мужчины долго спорили и взяли еще образцы материалов, а также схемы управления.

Пройдя дальше, они обнаружили в соседней комнате архив. Это были тонкие пластины из синего металла, испещренные голограммами. Чан подключил свой программатор, и изображения ожили.

— Это звездная карта, — восхищенно сказал он. — Сотни звёзд. И одна отмечена.

— Они были здесь. Давно, — понял Демид.

На другой пластине красовалась карта мира, истерзанная ядерной войной, с тревожными отметками радиоактивных зон. Алые пятна, казалось, поглотили земли и явно являлись свидетельством очагов тотального разрушения, ведь эпицентры ударов были известны любому, кто прошёл обучение.

Школ в их прежнем понимании давно не существовало. Каждый обитатель Города-01 получал узкоспециализированную подготовку, призванную обеспечить выживание человечества согласно распределенным ролям. Но память о ядерной катастрофе, как неумолимое нази-
дание, пронизывала все направления обучения.

Оранжевый цвет расплывался по карте, обозначая территории с высоким уровнем заражения, а жёлтый, вероятно, указывал на умеренную опасность.

Однако наибольшее внимание мужчин привлекли редкие, небольшие зелёные и синие отметки. Никто не знал наверняка, но в глубине души каждый питал надежду, что это островки жизни, свободные от смертоносного излучения. Об этих загадочных землях ни у кого не было никакой информации. Их тайну хранила сама неизвестность.

— Смотрите, — сказал Чан, увеличивая изображение. — Здесь отмечены другие сектора. Семь подземных городов. И еще точки на других континентах. Северная Америка, Евразия, Австралия... Кто-то мог выжить.

— И они не знают о нас, как мы не знаем о них, — ответил Демид. — Но я верю, что мы не одни выжившие на планете.

Он сфотографировал все карты на программатор. Это был бесценный трофей — ключ к поиску других людей.

— Мы не знаем, как этим пользоваться, — произнес Эрнест, глядя на ПАМы. — Но научимся. Другого выхода у нас нет.

— Методом проб и ошибок, — усмехнулся Демид. — Как всегда.

Мужчины вернулись в Сектор-3. Диана всё ещё спала, а её организм восстанавливался после капсулы. Амина встретила их у шлюза, взволнованная.

— Вы долго. Я уже начала волноваться.

— Всё в порядке, — сказал Демид, снимая шлем. — Мы нашли многое: карту с указанием других баз, летательные аппараты, дронов и ещё кое-что.

— Что?

— Вопросы, на которые у нас нет ответов. Но теперь у нас есть инструменты, чтобы их найти.

Он прошёл в комнату, где спала Диана. Остановился у двери, заглянул внутрь. Девушка лежала на боку, подложив руку под щеку, дышала ровно, спокойно. Её лицо, ещё бледное, уже не было испуганным. Демид постоял минуту, потом тихо закрыл дверь и вернулся к остальным.

— Нужно готовить новый план, — решительно сказал он. — Нулевой ждёт нас. Но теперь у нас есть технологии наблюдателей. Мы используем их.

Демид подошел к карте на стене и начал чертить новую схему, а рядом положил кристаллическую пластину с голографической картой звёзд.

ГЛАВА 24. ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Следующие дни в Секторе-3 были наполнены лихорадочной суетой. Люди упаковывали припасы и вещи, демонтировали гидропонные установки. Демид, несмотря на раненое плечо, руководил погрузкой, отдавая короткие приказы. Диана проснулась на второй день, ещё слабая, но уже на ногах. Ей потребовалось несколько часов, чтобы влиться в общий поток работ.

— Мы всё берём? — спросила Амина, обводя взглядом горы ящиков.

— Пока только самое необходимое, — ответил Демид. — Еда, медикаменты, семена, инструменты. И антидот. За остальным вернемся позже.

Они готовились к переходу, который обещал занять не менее пяти часов. Надели защитные костюмы, которые были

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.